

— Осторожно, двери закрываются, — сказал Санька и повесил микрофон.

Камкин тронул поезд.

— Почему следующую не объявляешь? — спросил у Саньки.

— Да надоело. И так все знают. Бубнишь целый день как попугай.

— Объяви! Положено, — сказал Камкин.

Санька нехотя подчинился.

— Следующая станция Матросики.

Поезд набрал скорость. Солнце нещадно палило сквозь лобовое стекло, покрытое пятнами от следов разбившихся насекомых.

— Никитич, а почему Матросики называется? — спросил Санька.

Камкина никто, кроме молодого помощника, по отчеству не называл, и ему было немножко приятно ощущать себя начальником.

— Говорят, во время войны тут флотский госпиталь стоял. Слушай, Санька, скоро в отпуск, поехали вдвоем на рыбалку. На неделю. Мне тут одну речку посоветовали, говорят, форели немерено.

— Не, не хочу. Чего там делать? Я мотоцикл покупаю, в байк-банду вступаю. У них классно. Зеленый, — доложил Санька цвет светофора.

— Вижу зеленый. Жаль, одному скучновато. В тайге тоже классно. Красиво.

— Никитич, а правда, что ты с Грядиным вместе учился?

— Правда.

— А что ж, он начальник, а ты до сих пор машинист?

— А вот так. Не всем же начальниками быть. Не люблю я.

— Никитич, долго мне еще «попугаем» работать?

— Научишься поезд водить, тогда посмотрим.

— Да как же я научусь, если только остановки объявляю? Ты ж меня не учишь.

— Как я тебя учить буду? Смотри, запоминай.

— А тебя тоже так учили?

— О, меня учили! — Камкин помолчал, улыбнулся своим воспоминаниям. — Меня знаешь как учили! Я после техникума на маневровый тепловоз помощником пришел. Машинист, Михайлыч покойный, суровый был мужик, пожилой уже, он еще после войны на паровозах начинал. Вот он меня учил! Раз, говорит, помощник, значит работа поровну. День со мной покатался, а потом говорит: «После обеда твоя смена». Пошел в машинное отделение, на матрац завалился и спит. Вот я и учился. Первые дни на ногах не стоял к концу смены. Там же, на тепловозе, только

одну сторону видишь, не то, что на электричке. И маневры постоянно. Туда-сюда, с одного пути на другой по всей станции, состав собирать знаешь как сложно! Да еще за двигателями смотреть надо. Тормозим. Объявляй.

— Матросики. Следующая — Залесье. Повезло тебе, Никитич. А тут разве научишься?

— Тогда время другое было. Теперь мигом диплома лишат, если узнают.

— Да как узнают, Никитич? Мы же одни. А-а, все со мной ясно, до конца жизни буду остановки объявлять.

Камкин усмехнулся, глядя на лицо юного помощника.

— Ладно, Саня, учись. Становись на мое место, — взял микрофон. — Уважаемые пассажиры, будьте осторожны, двери закрываются. Следующая остановка — платформа Залесье. Трогай, Саня. А я пойду по вагонам прогуляюсь, заодно щиты посмотрю. Если что, по громкой позовешь. Да в кривой на сто тридцатом сигнал дать не забудь. Давай, дерзай.

Камкин шел по вагонам. Народу сегодня немного, почти все сидят. Бабушки с помидорами в ведрах, туристы с гитарой, почти раздетые девушки с наушниками в ушах, подвыпившие парни, торговки с мороженым и газетами, суровые контролеры с охранниками в камуфляжной форме. Музыка, пиво, разговоры, газеты. Горячий ветер из открытых окон. В тамбурах курят. Камкин не обращал внимания на нарушение порядка — не его это дело, пусть наряд следит. Он прислушивался к ходу поезда. Тронулся Санька почти нормально, лишь чуть дернул. Ход набирал медленно, осторожно. Это ничего, пару минут всегда можно нагнать. Теперь скорость была нормальной. «Перегон длинный, — думал Камкин, — успею вернуться до Залесья. Пусть парень попробует полную ответственность, раз так рвется в бой».

Камкин проверял электроцит в шестом вагоне, когда услышал свисток. Поезд накренился в кривой. «Сто тридцатый километр. Молодец, Санька, сигнал дал», — подумал Камкин, закрывая дверцы ключом, и тут же отлетел, больно ударившись плечом. Тормоза завизжали, вагон затрясло, и Камкин всем телом ощутил, как колесные пары юзом скользят по изогнутым стальным рельсам, высекая искры и пытаясь выскочить из колеи. Он рывком оторвался от стенки тамбура и ринулся по вагонам. Лица бледные, женщины визжат, помидоры под ногами... Наконец поезд остановился. Кажется, с рельсов не сошел.

Санька стоял бледный, вцепившись в рукоятку управления.

— Что, Саня, кто? Человек?

— Нет, собачка.

— Что-о?

— Собака. Бежит и бежит по путям. И не сходит. И не оглядывается. Я подумал, может, глухая.

— Саня, ты с ума сошел! На собаку экстренное! Да еще в кривой!

— Да она со щеночком была.

— И где она? Задавил?

— Не знаю. Убежала.

Камкин с минуту молчал, приходя в себя.

— Так, помощничек, бегом марш проверять колесные пары! Обе стороны!

Взял микрофон.

— Уважаемые пассажиры, электропоезд совершил непредвиденную остановку. Причин для беспокойства нет. Скоро поедет.

Включил связь.

— Диспетчер, диспетчер, ответьте машинисту шестьсот двадцать седьмого.

— Слушаю, диспетчер.

— В четырнадцать двадцать одну совершил экстренное торможение на сто тридцатом километре.

— Причина?

Камкин помедлил.

— Корова на путях.

— Сбил?

— Нет. Метров двадцать не доехали. Ушла.

— Ясно, понятно. Проверьте подвижной состав и трогайтесь. График мне не сорвите.

— Понял. Уже проверяем.

— Ну и что мне с тобой делать, Камкин? — глядел поверх очков Грядин.

— А что, в первый раз экстренное, что ли? — Камкин стоял перед столом начальника и никак не мог побороть в себе робость. Вроде не так давно студентами вместе водку пили, а теперь он вон какой солидный.

— Да ты все колодки на поезде пожег, тридцать две колесные пары с ползунами! Перетачивать за чей счет будем?

— А что я мог сделать? Согласно инструкции...

— Кто там тебе путь перешел?

— Корова... — глядя в окно, сказал Камкин.

— Врать ты, Камкин, никогда не умел. Откуда там корова, в десяти километрах от деревни? Темнишь ты что-то. Помощником у тебя кто?

— Санька Гусев.

— Оба объяснительные пишете.

— Уже написали.

— Ладно, черт с ней, пусть будет корова. Ты мне скажи, что с твоей потерпевшей делать?

— С какой потерпевшей?

— С пассажиркой. Руку сломала, в суд грозитя подать.

— На меня?

— Нет, на железную дорогу.

— Она что, дура?

— Она не дура, она деньги отсудить хочет. И отсудит, если до суда дойдет. А нас с тобой уволят. Понял? Короче, вот тебе ее адрес, иди, договаривайся. Тут я тебе даже по дружбе ничем помочь не могу. Улаживай как хочешь, плати там или еще как, только чтобы суда не было. Ну, что ты смотришь? Иди, иди, Камкин, дел у меня без тебя хватает.

Камкин шел к потерпевшей, прячась от еще жаркого вечернего солнца в тени домов и старых тополей, и готовил примирительную речь. Он успел придумать несколько вариантов предстоящего разговора и был почти уверен в успехе, когда отыскал старый двухэтажный дом с нужным номером. Он присел на лавочку, вытащил сигарету.

Камкин почти не курил, вернее находился в вечной стадии бросания. Наверно, это происходило потому, что сам Камкин не был уверен в том, что хочет бросить, но супруга настаивала и с помощью изуверских женских способов, можно сказать, принуждала. Сейчас он долго крутил в пальцах сигарету, потом, вспомнив слова супруги о том, что табачный дым угнетает мыслительные центры мозга, затолкал сигарету обратно в пачку.

Камкин трижды позвонил и уже собрался уходить, обрадовавшись объективной причине отмены неприятной встречи, как из-за двери послышался резкий женский голос.

— Кто?

— Извините, пожалуйста, я Камкин, машинист электропоезда...

— Кто-о?

Дверь приоткрылась на длину цепочки, и в щели появилась половина лица классической стервы лет сорока пяти с бигудями в сиреневых волосах. Она вперилась в Камкина одним глазом с накрашенной бровью.

— Чего надо?

— Я машинист электропоезда, в котором вы получили травму. Я...

— Деньги принес?

Камкин опешил.

— Какие деньги?

— До свиданья!

Дверь захлопнулась, чуть не прищемив Камкину пальцы. Он растерялся, полез было за сигаретой. Наглость всегда его шокировала. Но вспомнилось строгое лицо Грядина. Проблему нужно было решать. Он снова позвонил, теперь уже решительно. Дверь открылась мгновенно, нараспашку. Потерпевшая в синем домашнем халате, с обвисшей грудью без бюстгальтера и с загипсованной по локоть рукой смотрела с издевательской усмешкой.

— Начальство послало уговаривать? Не на ту напали! Так и передай.

Она хотела снова закрыть дверь, но Камкин успел поставить ногу.

— Ты что! Ну-ка, отпусти! Милицию вызову!

— Ну, давайте хотя бы поговорим... Ну, пожалуйста! — взмолился Камкин, понимая полный провал предприятия.

Дверь снова распахнулась.

— Поговорить хочешь? Неси бутылку — поговорим.

Камкин стоял с открытым от неожиданного поворота событий ртом.

— У тебя что, и на бутылку денег нет? — презрительно усмехнулась потерпевшая.

— Есть, конечно, есть. Я быстро... Я сейчас...

Камкин кинулся вниз по лестнице, но вернулся.

— Скажите, а где ближайший магазин?

— Теперь магазины везде, было бы желание. Ближайший за углом.

Камкин побежал было, но с площадки крикнул:

— А что брать-то? Вы что предпочитаете?

— Мы люди не гордые. Водки возьми. И закуску не забудь.

Камкин хотел было узнать, что взять на закуску, но дверь уже захлопнулась.

Они сидели за столом уже минут сорок. Бутылка заканчивалась, а Камкину никак не удавалось перевести разговор на нужную тему. Жанна, так звали потерпевшую, увлеченно рассказывала Камкину обо всех «козлячествах» своего бывшего второго мужа и о потенциальных плюсах возможного третьего, некоего Эдика.

— А ты, Валерик, не жмот, не то что мой бывший, вон какую дорогую водку взял, — неожиданно похвалила Жанна.

Камкин обрадовался, разлил остатки по стопкам.

— Вот и замечательно, Жанна, что вы меня правильно поняли. Давайте уладим все разногласия, чтобы не было взаимных претензий.

— А ты меня неправильно понял, Валера, без второй бутылки мы с тобой ничего не решим. Слетай быстренько, одна нога здесь, другая уже вернулась.

Пришлось подчиниться. Камкин вообще-то столько не пил. Над ним и в пассажирском депо все смеялись. Еще в молодую пору, прежде чем по девкам идти, для храбрости по стакану — и вперед. А он полстакана выпьет — и под стол. Друзья отчасти правы: если бы Верка сама его пьяного к себе не притащила, он так и ходил бы холостым.

Прогулка до магазина несколько освежила, и Камкин с порога взял быка за рога.

— Жанна, давайте решим вопрос о вашей травме, я оставлю вам бутылку, и разоидемся с миром.

— Вопрос о травме ты, Валерик, решил, когда нажал на тормоза. Теперь вопрос о компенсации. Не хочешь со мной пить, забирай свою бутылку и проваливай. У меня к тебе претензий нет.

— Правда? Ура! — не сдержал радости Камкин. — А то меня начальник напугал, говорит, пострадавшая в суд подает...

Жанна молча забрала у Камкина бутылку, ловко свернула крышку.

— Садись, ненормальный, буду объяснять по слогам.

Камкину пришлось выпить.

— Вот это все видишь? — Жанна обвела комнату рукой.

Камкин проследил пьяным взглядом за рукой хозяйки и с улыбкой невпопад ляпнул:

— Да-а, мужика в доме нету.

— Не твое дело! Хотя ты прав, нету. Но был. И не один. И все это они заработали и благородно оставили мне при расставании. И все это уже пережило срок эксплуатации. И мне уже не светит повстречать рыцаря на белом коне.

— Верно, — поддакнул Камкин, разглядывая морщинки на лице хозяйки, — я с вами полностью согласен.

— Перестань хамить даме! И прекрати говорить со мной на «вы», я еще не отвыкла от обращения «девушка».

— Извините... Извини, Жанна, я только хотел сказать, что у тебя действительно обстановочка не очень, да и квартирка так себе.

— Ну и где я возьму столько денег? — закричала вдруг Жанна в самое лицо Камкину. — Где? А?

— Не знаю. Деньги — проблема.

— Да, Валерик, проблема! И вот, представь, случай! Фортуна, можно сказать, — Жанна потрясала загипсованной рукой перед лицом Камкина. — И я должна отказаться?

— Но ты же сказала, что без претензий.

— Ты что, придуриваешься или в аварии побывал?

— Да честно, Жанна, не понимаю. То ты одно говоришь, то совсем наоборот.

— К тебе претензий нет, ты парень хороший, только чокнутый немного. Претензии к железной дороге. Она богатая, цены на билеты вон какие, вот пусть и платит.

— Жанна, меня же уволят!

— Да ладно, не прибедряйся, пойдешь машинистом трамвая — та же железная дорога, только не угробишь никого. У меня подруга в трамвайном депо в бухгалтерии, хочешь, позвоню? Завтра работать будешь, еще мне спасибо скажешь.

— Не, я железку люблю. Жанна, а нельзя как-нибудь по-другому?

— Нельзя. Я же тебе объяснила, деньги мне нужны.

— А сколько ты хочешь отсудить?

— Сто тысяч.

— Сто тысяч?! — Камкин почти протрезвел. — Я столько не достану...

— Да не грузись, Валерка, — Жанна обняла Камкина одной рукой и притянула к себе, как бы по-дружески, — все будет хорошо. Давай лучше выпьем.

Камкину стало неуютно под мышкой у Жанны, он высвободился, выпил свою стопку не закусывая, налил еще.

— Вставай, Камкин! Вставай, я тебе сказала! Как ты меня достал! На работу опоздаешь — выгонят, тогда я тебя точно брошу! — толкала в бок Верка. — На такси он раскатывает! В холодильнике пусто, а он на такси!

— На каком такси, Верунчик? — не мог прийти в себя Камкин.

— На желтом! Чудо несчастное! Вставай, я тебе говорю!

Супруга больно ударила Камкина, и он, крихтя, поднялся. Голова трещала.

— Где был, я тебя спрашиваю?

Голос Верки больно отдавался в мозгу.

— Я тебе потом все объясню, Верунчик.

— Я тебе дам «Верунчик»! Почему рубашка в помаде? У кого был, сволочь несчастная?

Под вопли супруги Камкин кое-как умылся, хлебнул холодного чая, от которого тут же затошнило, и поплелся на работу.

— Ну, что, Камкин, вчера ты чуть аварию не совершил, сегодня пьяный на работу явился, — выговаривал Грядин. — Премии лишу в этом месяце.

— Так мой состав все равно в депо. Ну, выпил малость... Я с потерпевшей разруливал.

— Ну и как?

— Не соглашается. Сто тысяч требует.

— Плохо ты разруливал, Камкин, плохо! Ничего ты толком сделать не можешь, даже с бабой поладить, — махнул Грядин рукой. — И что дальше? Учти, если полюбовно не решишь, уволю к чертовой матери!

— Давайте как-то, это... деньги соберем. Я же не виноват, что она руку сломала.

— И собирай, Камкин, собирай, решай проблему. И побыстрее решай! Иди давай, Камкин.

— Так нет у меня денег. Я отпуск хотел попросить, чтобы отпускные... и, может, премию...

— Какую премию, Камкин? Ты точно не в своем уме. Премию ему! Пиши заявление на отпуск, и чтобы вопрос решил. Иди, некогда мне.

— О! Валерик! — удивилась Жанна и открыла дверь. — Неужели деньги принес?

— Принес, — буркнул Камкин.

— Вот это мужчина! Такое событие обмыть надо. Стоняешь?

— И бутылку принес.

— Да не сердись, Валерочка, ты же герой, ты спас бедную женщину от неминуемой нищеты. Заходи быстренько. Ну, хватит дуться, не порть даме праздник!

— Да не сержусь я. Голова болит.

— Садись за стол, разливай. А я, как чувствовала, такую соляночку сегодня сготовила.

— Жанна, ты только не обижайся...

— За вчерашнее, что ли? Все отлично было, чего мне обижаться.

— А что, у нас «было»?

Жанна расхохоталась.

— Да нет, конечно, Валера. А ты не помнишь? Ты весь вечер про супругу свою рассказывал, жаловался. Жаль, конечно, что «не было», может, у нас и сложилось бы. Я таких вещей, как твоя, со своими мужиками не допускала, какими бы они ни были. Мужик уважения требует, так я считаю.

— А как я в такси оказался?

— И это не помнишь? Я тебя посадила, — Жанна снова рассмеялась. — Наливай, давай.

— Я, в общем, не про то хотел сказать. Ты не обижайся, Жанна, я не все деньги принес, — Камкин выложил пакет на стол. — На, вот, пересчитай.

Жанна сразу посуровела.

— Сколько здесь?

— Двадцать семь. Почти...

— Что значит «почти»?

— Ну, я бутылку из этой суммы купил. Больше у меня нет, это все.

— Так ты свои деньги мне принес?

— Да, отпускные и зарплата за последний месяц. Честное слово, больше нет. Я премию просил — не дали.

— Ты точно ненормальный, Валерка! На кой черт мне твои деньги? Я же тебе вчера весь вечер объясняла, что к тебе лично претензий нет, я с дороги сорвать хочу.

— Но тогда меня уволят, а я работать хочу, мне нравится поезд водить. А начальник сказал разруливать с тобой, иначе выгонит.

— Козел он, твой начальник. Давай выпьем. За тебя. Ты хороший парень, на таких и ездят.

— Жанна, так ты в суд подавать не будешь?

— Вот что, Валера, забирай свои деньги и живи спокойно. Не буду я в суд подавать. А то ты и квартиру продашь. Все, закрыта тема.

— А как же ты жить будешь? Нет, я не возьму, это тебе, как договаривались.

— Да не договаривалась я с тобой! Один раз в жизни хотела нажиться и то на чудака нарвалась. Забери, чтоб я их больше не видела.

Камкин налил в стопки.

— Ты очень, очень хороший человек, Жанна! За тебя, — он выпил. — Но деньги не возьму.

Жанна долго, изучающе смотрела на него, потом примиряюще сказала:

— Ладно, уговорил. Если бы не долги, ни за что не взяла бы.

Она вскрыла конверт, отсчитала десять тысяч.

— Остальное твое. И не спорь! Тебе тоже семью кормить. И супруга меньше ругать будет.

Упоминание о супруге снова испортило Камкину настроение. Он опять налил.

— Давай, Жанна, выпьем, да я еще за одной схожу.

— Нет уж, хватит. Опять, как вчера, никакой домой поедешь. Забирай деньги и проваливай. Ни пуха тебе, Валерик!

Камкин уже выходил из подъезда, когда услышал:

— Валера! Приходи, когда плохо будет. Поболтаем.

— Ладно.

— Верусик, ну Верусик, — канючил Камкин, пытаясь погладить плечо супруги.

— Отвали, Камкин. Убери руку, я тебе сказала!

— Ну, Верусик, ну не сердись...

— Отодвинься, мне жарко. И вообще, иди на свой диван. Любовь заслужить надо!

— Да я разве...

— Иди, я тебе сказала! Разговор закончен.

Камкин нехотя вылез из-под одеяла.

— Правильно Жанна сказала, не уважаешь ты меня.

— Что? — подкинулась Верка. — Кто тебе что сказал? Так это ты Жанне наши семейные деньги отнес? Дай немедленно мне ее адрес! Адрес, я сказала!

— Не дам. Это компенсация, она руку сломала.

— Да хоть шею! Ты мне всю жизнь сломал, когда мне компенсация будет?

— Верунчик, ну перестань, я же не виноват. Грядин сказал, уволит, если не улажу.

— Вот Грядин — мужчина. Грядин свои деньги домой носит, а тебя, идиота, послал улаживать. Какая я дура, какая дура! Как ты меня обманул! Зачем я с тобой тогда связалась?

— Так ты же сама...

— Я сама?! Ах ты... — Верка запустила в Камкина тапочкой, и он поспешил удалиться в свою комнатенку, где даже телевизора не было.

— Ты что мне обещал? — доносилась Веркина ругань. — Ты клялся, что на море поедем. А сам отпуск раньше взял, да еще все деньги какой-то бабе отнес! Не поверю, что у тебя с ней ничего не было, гад ты паршивый!

— Да перестань, Верунчик, поедем на рыбалку, мне место классное подсказали.

— Еще я комаров не кормила! — взвизгнула Верка. — Хватит мне зубы заговаривать! И не приближайся ко мне больше! Видеть тебя не могу.

Камкин по опыту знал, что далее возражать не следует.

Несколько дней Камкин провел под домашним арестом. Супруга выставила ультиматум: «Из дому выйдешь — не возвращайся!» Он отремонтировал уют, приклеил отвалившийся еще год назад кафель и теперь целыми днями тупо сидел перед телевизором или спал на своем диванчике.

В пятницу Верка пришла с работы какая-то необычная. Камкин подумал было, что гроза миновала, но ошибся.

— Камкин, ты на рыбалку свою собирался?

— Да, но ты же...

— Вот и езжай. На неделю. Что уставился? Езжай, может, комары тебе разума добавят. И чтобы раньше следующей пятницы домой не появлялся. Понял?

— Да я как-то...

— Понял, я тебя спрашиваю? Вот бог меня наказал! Чтоб через час твоего духу здесь не было!

— Хорошо, Верунчик, спасибо. Только у меня денег нет, дай хоть на бензин рублей триста.

— А где же твои отпускные? — ехидно спросила Верка.

— Ты забрала.

— Ах, я забрала! Ты их своей Жанке отдал, вот у нее и проси.

— Ну, Верунчик, как же я поеду?

— Ладно, пользуйся моим отходчивым сердцем, на пятьсот. И запомни: неделю чтобы дома не появлялся! Я отдыхать от тебя буду. Вернешься раньше — вообще разведушь.

Все рыбацкое снаряжение было у Камкина в гараже: и удочки, и палатка, и теплый спальный мешок, и котелки всякие. Была и заначка — консервы. Деньги Камкин от супруги не утаивал, а вот продукты длительного хранения покупал иногда с премии на всякий случай. Бывало, он и ночевал в гараже, когда Верка сильно рассердится. Вот и теперь он налегке сразу направился в гараж.

«Москвич» у Камкина всегда был в порядке. Раньше супруга любила, чтобы он ее по магазинам возил. Теперь стесняется, на шопинг с полочки с подругой ездит на «Ауди», а за продуктами он и пешком сходить может.

Аккумулятор подсел. Пришлось нести к сторожам заряжать. У сторожей, как всегда по пятницам, к вечеру собралась компания, выпивали, обсуждали автомобильные дела.

— Камкин! Давно тебя не было. Куда собрался?

— На рыбалку. Кто со мной? Поехали, мне местечко рыбное подсказали.

— Это куда же?

— Верхний Волок.

— О, это ж самая тайга. В эту пору гнус всю кровь выпьет. Это не рыбалка. Давай, Камкин, подтягивайся лучше к нам, а рыбы для жены в магазине утром купишь.

Камкин пить отказался, подключил зарядку, попросил присмотреть и ушел к себе в гараж. Пока проверил снаряжение, пока все уложил, уже и ночь. Накрылся спальником и привычно заснул на заднем сиденье.

Из города выезжал на рассвете. Машин было еще немного, дорога хорошая, «Москвич» бежал легко. Прохладный ветерок задувал в приоткрытое стекло, мелькали зеленые деревья, и на душе становилось как-то свободнее, что ли.

Часа через три свернул на проселок. В Горелом тормознул у магазина, уточнил у прохожего дорогу на Верхний Волок. Тот с сомнением посмотрел на авто Камкина.

— Рискуешь. Если на броде сядешь, там вытаскивать некому. Хотя сейчас вода малая, может, и проедешь.

Камкин проехал. Не было еще случая, чтобы не проехал! Он за то и любил забираться в глухомань, что нравилось ему преодоление препятствий, нравилось выходить победителем в ситуации, когда неоткуда ждать помощи. За то и работу свою любил, что сам, один на один.

На людях же Камкин терялся, становился в подчиненное состояние, зачастую совершал нелепые ошибки, за что не раз был осмеян. И еще в таких поездках было у него «секретное оружие» — маленькая ручная лебедка с невероятно удачным соотношением шестерен. За полчаса из любого болота «Москвич» выдерживал, было бы за что трос зацепить.

До Верхнего Волока насчитал двенадцать бродов. На одном застрял, но ненадолго. Собственно, дорога большей частью шла по руслу речки. Солнце к полудню палило. После преодоления каждого брода Камкин останавливался умыться, полюбоваться перекатом, высмотреть рыбу. В общем-то, спешить было некуда. Вода была ледяной и хрустальной чистой. Рыба мелькала среди камней, иногда плескала, и Камкин предвкушал удовольствие от предстоящей рыбной ловли. Если уж здесь столько рыбы, то в верховьях следовало ожидать полное изобилие.

Обычно в дороге он не ел, но в этот раз путь оказался непредвиденно долгим из-за плохой дороги. На одном перекате и пообедал. Заодно позагорал, разглядывая иссиня-белые ноги и размышляя о том, что надо бы почаще выбираться из города.

В село Верхний Волок Камкин прибыл под вечер. По-видимому, это был бывший леспромхозовский пункт, каких немало в дальних таежных углах. Лес выбрали, заготовка кончилась, а люди остались жить-доживать.

Следуя наставлениям рыбака, из-за разговора с которым Камкин продержал электричку на станции лишние две минуты, за что получил выговор, по-настоящему хорошая рыбалка была километрах в десяти выше села. Он проехал два десятка замшелых срубов, стоящих порознь с обеих сторон улицы, и сразу за последним двором уткнулся в русло, заваленное корчами. На другом берегу дорога не просматривалась. Значит, дальше пешком, как и объяснял тот рыбак.

Камкин выехал задом к последнему дому, посигналил. На крыльцо выскочил пацанчик лет шести, тут же исчез и появился уже в сопровождении матери.

— Здравствуйте. Можно у вас машину оставить?

— Оставляйте, чего спрашивать. Вон, под черемуху загоните, чтоб не на солнце, и пусть стоит.

— А во двор нельзя? Я на несколько дней уйду.

— У нас не воруют, ничего с ней не станет.

— Да, знаете, украсть не украдут, а молодежь нашкодить может. Она не заминирована, — невпопад пошутил Камкин.

— Нас взрывать — себе в убыток, — улыбнулась хозяйка. — Наше село если вдруг исчезнет, лет десять никто не хватится. Ну, ставьте во двор, если ворота откроее. Там навес отвалился.

— Откроем, куда они денутся, — сказал Камкин. — Инструмент у вас найдется?

— Пашка! Вот куда уже исчез?!

А Пашка уже тащил из сарая чуть не волоком плотницкий ящик.

— Давай-ка, — забрал Камкин ношу.

— Вот здесь петля отпала! — заметил юный помощник.

Камкин порылся в ржавом железе. Добыл разболтанный молоток и пару подходящих гвоздей, прибил навес. Затем достал из багажника масло, смазал шарниры.

— А где коса? Прокосить бы надо, замну ведь траву, потом не прокосишь.

— Пойдем, покажу, — Пашка рад был услужить. — Только она высоко, мамка ее от меня прячет.

Ворота распахнулись почти сами. Камкин завел машину во двор.

— Пашка, собери траву, задай козе, — велела мать.

— У вас коза? Можно посмотреть?

— Пойдем, я тебе покажу, — снова вызвался Пашка. — Ее Люська зовут, у нее козлята, им месяц уже. Мамка говорит, скоро продавать будем. А мне жалко, пусть бы у нас жили. Только у нас денег нет.

Коза с достоинством приняла угощение и стала жевать. Два козленка толкали ее в вымя.

— Что поделаешь, Павел, взрослые дела-заботы — они такие. Мать слушать надо, она плохого не сделает. Хорошая коза. И козлята тоже. Пойдем уже, мне уходит пора.

Пашкина мать стояла на крыльце в легком платьице, просвечивающем на солнце, и Камкин поймал себя на том, что рассматривает ее ладную фигуру. Он смутился.

— Спасибо, хозяйка, пойду я. За стоянку рыбой расплачусь. Говорят, здесь добрая рыбалка.

— Мужики, кто рыбачит, без улова не возвращаются.

— Дядь Витя нам вот такого харюза приносит! — доложил Пашка.

Хозяйка почему-то нахмурилась, потом улыбнулась Камкину.

— Да вы уже расплатились — ворота нам починили. Вас как зовут-то?

— Камкин.

— А меня Лена, — она вдруг как-то озорно рассмеялась. — Мне вас что, товарищем Камкиным называть?

— Супруга так зовет, — смутился Камкин, — все так зовут. Я привык.

Лена поморщилась.

— Не понимаю, как можно любимого человека по фамилии называть. Ну а имя у вас есть?

— Конечно. Валера. Валерий Никитич.

— Я так и думала, что у вас приятное имя, — улыбнулась Лена.

— Как это, приятное?

— А я, знаете, имена на вкус воспринимаю. Есть вкусные, Константин, например, — как изысканная конфета. Есть кислые, есть просто противные. Валера — приятное имя. Так что, товарищ Валера, может, чайку перед дорогой?

— Спасибо. Но хочу успеть дотемна подальше уйти. Соскучился по тайге. Пойду я.

— Ну, счастливо!

Ушел Камкин не очень далеко. Заметная поначалу тропка вскоре совсем исчезла. Берегом идти было плохо: то корчи, то густой ельник до самой воды. Болотные сапоги выручали. Но и в них не везде можно было пробраться. На перекатах, когда переходил реку, вода иной раз захлестывала за голенища.

Камкин радовался отсутствию тропы: чем меньше река доступна, тем больше в ней рыбы. Рыбачить можно было уже здесь. На перекатах рыба металась с перепугу, и видно было, что крупная. Но хотелось забраться подальше, в самую девственную глухомань. И не ради богатого улова. Камкин желал полного, настоящего уединения, где он сможет чувствовать себя полностью самостоятельным.

В таких местах Камкин ощущал себя совершенно другим человеком. Он был способен выжить в любых условиях, преодолеть любую стихию, он бы и с медведем поборолся, если понадобится. Главное, чтобы никто не командовал.

Солнце спряталось за сопку, в лесу сразу стало сумрачно. Разом налетели комары. Пора было становиться на ночлег.

Как любил говаривать старый машинист Михайлыч, опыт не пропьешь. Камкин удачно выбрал пятачок для лежанки и кострища. И через полчаса для ночевки все было готово, котелок висел над огнем, а сам Камкин стоял с удочкой на перекате.

Двух хариусов вполне хватило, чтобы наесться досыта, и теперь Камкин возлежал под пологом, попивал крепкий чай, смотрел на первые звезды и совершенно бесконтрольно курил. Он не брал в такие походы палатку. В ней темно и скучно. Куска тонкого брезента вполне хватало, чтобы прикрыться от дождя и ветра. Зато можно было наблюдать, как меняется природа на закате, смотреть на реку или просто бездумно глазеть на угли в костре.

Спалось легко. Утро было росное, свежее. Глотнув вчерашнего чая, Камкин заспешил в путь. Он решил сегодня непременно достичь того места, о котором говорил рыбак. В общем-то, особого смысла в этом не было. Просто это была цель, которую Камкин сам перед собой поставил и теперь должен был выполнить. Сам себе должен, не кому-нибудь. А перед собой не оправдаешься.

Главной приметой того места, куда стремился Камкин, был водопад, выше которого и была «настоящая рыбалка».

Сегодня путь не был легче, пожалуй, даже труднее. Солнце пылало уже в зените, а водопада все не было. Камкин вымотался, отдыхать приходилось все чаще. Доставала налетевшая мошка. Но самое плохое — Камкин начал пить. Переходя очередным бродом, он зачерпнул ладонью глоток хрустальной влаги. Через пару минут еще несколько глотков. И все! Теперь он пил без остановки. Потная рубаха прилипла к телу, жажда одолевала, но главное — с каждым освежающим глотком он терял силы.

Камкин решил остановиться отдохнуть. Лучшим средством борьбы с жаждой был горячий крепкий чай. Он сбросил набивший плечи рюкзак, отошел в лес в поисках сухостоя. Необычный звук привлек внимание, вроде как двигатель работает. Камкин расстроился, почти запаниковал: стоило тащиться в такую даль, чтобы оказаться рядом с лесосекой! Но шум, вернее рев, был равномерно мощным. И Камкин догадался: это же водопад! Просто у реки его не было слышно. Он тут же забыл о чае, взвалил на спину рюкзак и поспешил вперед.

Водопад предстал перед Камкиным за очередным поворотом реки. Распадок в этом месте сужался, его борта становились крутыми, почти отвесными. Собственно, каньон здесь заканчивался, упирался в скальную стену, с которой по узкому желобу каскадами с грохотом, пеной и брызгами стекала вода. На самом деле это был слив, а не водопад. Но красоту его это не уменьшало. Перепад высоты падения воды был метров пятнадцать, но на преодоление этих метров у Камкина

ушло полчаса и последние силы. Он отошел от водопада с полкилометра и, выбрав пологий участок берега, решил здесь остановиться.

Последующие дни были одним сплошным удовольствием. Рыбы было тьма! Камкин привязал самый большой крючок, закидывал безо всякой наживки, но рыбе было все равно — брала сразу, рывком, будто старалась опередить сородичей. Конечно, Камкину не нужно было столько, и он просто ради спортивного удовольствия ловил и тут же отпускал, приговаривая:

— Живи! Хорошо вам тут — свобода...

Камкин оценил настойчивый совет рыбака добраться именно в это место. В свое время лесорубная техника не смогла одолеть крутизну каньона у водопада, и теперь вырубки хоть и заросли довольно высоким лесом, никак не могли сравниться с тайгой выше водопада. Здесь не было подростка, не было кустов и лиан, лишь огромные облищенные стволы гигантов-кедров да изредка пихт, а под ними толстый слой темно-зеленого мха и золотистой прошлогодней хвои. Стоило отойти подальше от реки, и сразу охватывал со всех сторон таинственный полумрак и полная, глухая, всеобъемлющая тишина. Не слышно было даже собственных шагов.

Камкин никогда не был в таком лесу. Он с трепетом, с каким-то религиозным преклонением трогал кору деревьев, возраст которых превосходил человеческий в десятки раз.

Но сплошная темная стена вокруг быстро надоела, захотелось простора. На третий день Камкин разведкал выше по течению более-менее открытое место у реки и перебрался со своим скарбом туда.

То ли река смыла лес необычайно высоким паводком, то ли геология виновата, или состав почвы иной, но в этом месте не росли высокие деревья. Лишь нечастые кусты обрамляли поляну со стороны леса, остальное пространство занимали веселые травы, а у самого берега полоса чистого черного песка. Камкин не знал, что так высоко в горах можно встретить песчаный пляж. И самое замечательное — здесь не было ни комаров, ни мошки. Это было верхом блаженства.

Когда надоело бродить по перекатам с удочкой, Камкин окунался в ледяную воду, а затем валялся раздетый на горячем песке с кружкой чая и сигаретой и ни о чем не думал.

Вечером он занимался тем же, только у костра — сидел, смотрел в огонь, курил и попивал крепкий чай. Камкин вообще любил чай. Особенно свежезаваренный, крепкий, приправленный сигаретой. Но Вера ругалась, говорила, что чай пьют только зеки, что от этого выпадают зубы и волосы, а лысый и беззубый супруг ей не нужен, и что весь цивилизованный мир пьет кофе. Камкина от крепкого кофе тошнило, а слабый не давал никакого удовольствия, поэтому он пил компот или покупную воду, а чай заваривал, когда бывал вне поля зрения супруги. А здесь, в тайге, он просто не хотел отказывать себе в том, чтобы делать то, что любит. И Камкин пил чай, курил и смотрел в костер.

Все-таки чаю он выпил лишнего — среди ночи проснулся. Было светло. «Луна вошла», — подумал Камкин. Ночь в горах зябкая, вылезать из спальника не хотелось. Камкин еще повертелся с боку на бок, наконец выбрался из уютного логова, сунул ноги в сапоги, побрел, протирая глаза, на поляну...

И вдруг остолбенел. Свет исходил не от луны — на противоположном берегу светилось дерево! Камкин еще днем обратил внимание на старый тополь и удивился, как он тут вырос среди сплошных хвойных, но чего в тайге ни бывает. И вот этот тополь сейчас светился ровным ярким светом и освещал всю округу.

Камкин забыл, зачем проснулся. Он глазел на необычайное явление и не знал, что должен с этим делать.

«Может, я сплю?» — Камкин ущипнул себя за нос, еще потер глаза. Дерево светилось, как новогодняя елка. Можно было различить каждый его лист. Камкин натянул голенища и побрел на другой берег. Днем он здесь переходил. Но теперь оказалось сложнее, под самым берегом упал. Ледяная вода мигом привела в чувство. «Теперь я точно не сплю».

Вскарабкался на утес к тополю, подошел вплотную. Толстый ствол не издавал света, темным круглым столбом он уходил в светящуюся крону и, казалось, прорезал ее, как инородное тело. На удивление, и здесь, вблизи, дерево светилось все тем же ровным спокойным светом, не режущим глаз. Камкин отыскивал острый камешек, поковырял кору. Нет, под корой света не возникало. Тогда он попытался добыть светящийся лист. Он пробовал залезть по стволу, достать ветви палкой, швырял камни. Наконец один листок оторвался и ярким пропеллером стал падать в реку. Камкин бросился за ним, покатился с обрыва, больно ударился. И все-таки лист ему достался. Он застрял в папоротниках у самой воды.

Камкин осторожно взял листок. Обычный лист, рассеченный камнем, ничего особенного в нем не было, кроме того, что он светился. Свет был холодным, то есть неощутимым рецепторами кожи. Камкин постоял в раздумье и побрел на свой берег.

Первым делом он упаковал светящийся листок в пачку из-под сигарет, которую, в свою очередь, завернул в полиэтиленовый пакет. Это был вещдок. Его Камкин собирался предъявлять во время своего рассказа о светящемся дереве. Кому, он еще не знал, но рассказывать без доказательств нельзя никому — сочтут за сумасшедшего.

Теперь следовало перекурить и все спокойно обдумать.

Он просидел на берегу до самого рассвета. Дерево «погасло» медленно, по мере нарастания естественного освещения, и превратилось в обычный тополь. Камкин так ничего и не придумал, но оставаться на месте с такой новостью в голове он не мог и решил немедленно возвращаться. Уложив рюкзак, он с полчаса порыбачил, выбрал пяток самых солидных рыбин, упаковал в пакет с крапивой и двинулся в обратный путь.

То ли потому, что путь был теперь знакомым, то ли оттого, что неосознанно спешил, но обратная дорога оказалась быстрее. К закату Камкин вошел в село.

Пашка налетел откуда-то, загорелый и чумазый, в одних трусах.

— Привет! Ты уже вернулся?

— Здоров, Пашка. Вернулся, как видишь.

— Рыбы наловил?

— Поймал немного.

— Хорошо.

— Что ж хорошего?

— Да так. Мамка меня кашей кормит. Надоело.

— Понял. Сейчас рыбу жарить будем. Где мамка-то?

— Ща позову, — Пашка исчез и через минуту прокричал из козлятника: — Дядь Валера, иди сюда, посмотришь, как козу доить надо.

Лена подняла голову, сдула волосы с глаз.

— Здравствуйте, Валера. Я сейчас, заканчиваю уже.

— Смотри, вон, как надо за вымя дергать, — наставлял Пашка.

— Пашка, отстань от дяди Валеры. Ему еще козу доить...

— А я умею, — сказал Камкин, — немного.

— Вы умеете доить? — Лена перестала работать руками, брови ее поднялись смешными домиками.

— В детстве меня каждое лето к деду с бабушкой отправляли. У них коза была. Но мне больше кролики нравились. Мы с дедом их кормили.

— Классно! Вот бы нам кроликов! — позавидовал Пашка. — А дядь Валера рыбу принес, сейчас жарить будем.

— Паша! — Лена строго посмотрела на сына.

— Да он сам сказал, — попытался оправдаться Пашка.

— Я же обещал, принес немного, — сказал Камкин. — Там ее не переловить.

А вы любите рыбу?

— Кто ж ее не любит?

— Есть некоторые, — сказал Камкин, припомнив, как Верка вечно ругалась, когда он приносил улов. Она почему-то считала, что речной рыбой питается только «быдло», а порядочные люди едят омаров.

— А хотите, я сам пожарю? Я умею.

— Неловко как-то. Ну, что ж, пожарьте.

Камкин умел готовить рыбу. Когда случалось вырваться на рыбалку, весь улов он нес в гаражи. Там, в компании, всегда ценили жареную Камкиным на обычной электроплитке рыбу как самую лучшую закуску. Его неизменно хвалили, а большего ему и не нужно было.

Здесь, у Лены, тоже была электроплитка. Камкин залез в жестяные баночки со специями, понюхал, чем-то присыпал, посолил и бросил куски рыбы на сковороду. Особого рецепта у него не было. Готовил по вдохновению, приправы применял в зависимости от их наличия и от настроения. Сегодня настроение было превосходным. Пашка крутился на кухне, заглядывал в сковороду, даже пытался потрогать шкварчащую рыбу пальцем.

— Ну, скоро, а? Скоро? — поминутно спрашивал он.

Лена наконец закончила хозяйственные заботы, вошла в дом.

— Валера, как пахнет! Что же вы такое делаете?

— Все уже сделал. Давайте к столу. Такую рыбу надо есть горячей.

Он поставил сковороду на дощечку в центр стола. Пашка тут же оказался на стуле с ложкой.

— Пашка, руки вымой! — сказала Лена.

— Ща все равно пачкать.

— Мать слушать! — приказал Камкин.

Пашка нехотя поплелся к умывальнику.

— Такой вкусный запах! Вы мастер, Валера, — сказала Лена, подавая тарелки.

— Да вы же не попробовали.

— Такой запах не может исходить от невкусной пищи. А знаете, у меня водки немного есть. Хотите?

— Я же за рулем. Ехать далеко.

— Куда ехать, на ночь глядя? Вы что, так спешите? Выспитесь и поедете пораньше. День-то, поди, весь шли, устали. Ну, что, я несу? — и, не дожидаясь ответа, пошла за водкой.

Рыба была съедена мигом. Пашка успел съесть больше всех.

— Можно я вымажу? — посмотрел он на Камкина.

— Вымазывай, — Камкин пододвинул Пашке сковороду. — На дне самый вкус.

Пашка хлебной коркой вычистил сковороду до блеска.

— Ма, я погуляю.

— Ночь уже...

— Я чуть-чуть. С Колькой, — крикнул Пашка уже с порога и исчез.

— Сладу с ним нету, — сказала Лена. — А вы сегодня будто и не устали, такой... не знаю, как сказать, вдохновленный, что ли.

— Есть причина. Особая.

— Ну, скажите.

— Это секрет пока.

— Секрет! Я умею хранить секреты. Впрочем, что это я, не хотите — не говорите.

Камкин потряс пустую бутылку — водки действительно было маловато, даже для него. Посмотрел Лене прямо в глаза, решился.

— Я такое нашел...

— Ну что, что же? Клад? Говорят, в этих местах до революции старoverы жили, может, они?

— Нет, это лучше. Я чудо нашел.

— Чудо? Какое чудо?

— Представляете, стоит дерево и светится. Всю ночь. Ярко! Не верите? Я сейчас...

Камкин бросился во двор, принес коробку, аккуратно развернул.

— Вот, смотрите, — он достал смятый листок. — Выключите свет.

Лена нажала выключатель. Наступила темнота. Листок не светился. Камкин молчал. Лена включила свет.

— Вы мне не верите? — спросил разом погрустневший Камкин.

— Да почему же?

— Нет, не верите.

— Да вы разве не понимаете, Валера, лист просто умер. А пока живой был — светился. Мне кажется, это все объясняет.

— И в дерево верите?

— Ну почему я должна вам не верить? Я о таком никогда не слышала, но мало ли чудес на свете. И зачем вам врать? Ну что вы так расстроились, Валера, вы же сделали открытие! Я вам завидую. Я всю жизнь мечтала что-нибудь открыть, да так ничего и не открыла, а вы везучий!

— Мне все равно никто теперь не поверит.

— Поверят. Надо только найти заинтересованных людей. Ученых. Вы же открыли необычайное природное явление. Кто-то наверняка заинтересуется, организует экспедицию. Вы еще прославитесь, Валера!

— Пойду, покурю.

Камкин вышел в ночную темь, присел на крыльцо. Через минуту неслышно вышла Лена, села рядом. Камкин не видел ее, только ощущал. Отодвинулся.

— Что вы?

— Дым на вас идет.

— А мне нравится, — она помолчала. — Муж курил.

— Развелись?

— Убило на лесосеке. Скоро четыре года.

— И как же вы?

— Привыкла уже. Ну, где вот его носит! Па-ша! — прокричала она в темень.

— Придет, — попытался успокоить Камкин. — Мы тоже в детстве допоздна носились. Сколько ему?

— Шесть. Вот тоже беда — в следующем году в школу.

— Чего же плохого? Школа — это хорошо, под присмотром будет.

— Да нет у нас здесь школы. В Горелое возить надо. Автобуса нет, дорога сами видели какая.

— И что же делать?

— Не знаю. Говорят, можно заочно обучать, на дому, а потом экзамены сдавать. Начальную школу я, может, и потяну, а потом? Тут одних учебников сколько надо... А у вас дети есть?

— Нет.

— Странно. Вы такой... и детей нет.

— Какой?

Лена смутилась, почти шепотом сказала:

— Хороший.

Спал Камкин в машине. Лена уговаривала спать в доме, но он категорически отказался, сославшись, что в машине выспится перед дальней дорогой лучше. Он стеснялся испачкать чистую постель, стеснялся спать в одной комнате с Леной, и вообще... Сон долго не шел, он размышлял о том, как будет объяснять кому-то «заинтересованному» о своем чуде, пытался не забыть правильные слова, сказанные Леной: «необычайное природное явление», думал о том, как непросто Лене одной с Пашкой. Подумалось, что у него сейчас мог бы быть сын, и ему уже было бы лет двенадцать. Верка, дура, «не хотела себя обременять», сделала аборт, а потом уже не получалось.

Разбудил звон ведра — Лена пошла на колодец. Пока собирался, вышел зашпанный Пашка, увидел Камкина, тут же оживился.

— А ты уже уезжаешь? Покатаешь меня? Ну, хоть немножко! Мы с Колькой поспорили. Он говорит, не покатаешь, а я говорю, что ты не жмот, запросто покатаешь.

— Ну, садись. Лена, мы сейчас вернемся.

Он поддал газу, поднял пыль, посигналил у Колькиного дома, понимая, как его сейчас ругают разбуженные сельчане. Но его самого охватил давно забытый детский азарт. На обратном пути подсадил выскочившего к дороге Кольку, лихо тормознул с разворотом у Лениного дома. Пацаны были счастливы.

— Идите завтракать, гонщики, — позвала Лена.

«Какая хорошая у нее улыбка!» — отметил Камкин.

Завтрак был, мягко говоря, скудный. Попрощавшись, Камкин подозвал к машине Пашку, протянул ему пакет с оставшимися консервами.

— Матери отдашь, когда уеду.

— Ты больше не приедешь, дядь Валера?

— Ты чего это, Пашка? Конечно, приеду!

— Правда! Скоро?

— Не знаю, как там дела повернутся. Постараюсь.

Завел мотор. Лена помахала от ворот:

— У вас все получится, Валера!

Камкин вернулся на день раньше запланированного. Ключа от квартиры у него, как обычно, не было. Предчувствуя скандал (Верка ужасно не любила, когда он не выполнял ее указания), осторожно позвонил в дверь. Никто не откликнулся. Он помялся, еще позвонил. Показалось, что мелькнул дверной глазок, но по-прежнему было тихо. Не зная, что делать, хотел было закурить, но тут услышал голос супруги:

— Кто там?

Камкин поспешно сунул сигарету в карман.

— Да я это, Верусик.

Брякнул замок. Верка стояла раскрасневшаяся и улыбалась.

— Камкин! Вот здорово! Как быстро неделя пролетела. Рыбу принес?

— Так ты же не любишь... — растерялся Камкин не столько от вопроса о рыбе, сколько от необычного приема.

Он протиснулся с рюкзаком между дверью и супругой, скинул куртку.

— А мы тут с Евгением Петровичем к комиссии готовимся...

За столом перед портативным компьютером сидел серьезный мужчина и сосредоточенно что-то печатал. Он поднялся, протянул руку.

— Здравствуйте, Валерий Никитич. Извините уж, срочная работа, КРУ на днях ожидается, пришлось взять работу на дом.

Камкин знал Веркиного начальника — был пару раз у нее в бухгалтерии на фабрике. Знал и о неолжных работах, особенно в конце кварталов, когда супруга оставалась на работе чуть не до утра. Он уставился на рубашку начальника, которая была застегнута как-то криво, не на те пуговицы. Евгений Петрович проследил за взглядом Камкина, торопливо перестегнул рубашку.

— А, извините за неряшливый вид. Жарко у вас в квартире, пришлось расстегнуться, за работой и не заметил...

— Камкин, как хорошо, что ты приехал, — взяла его за рукав Верка, протянула деньги. — А мы тут от работы оторваться не можем, проголодались. Сходи за продуктами

— Ну... ладно, а что купить?

— Ну, там, что-нибудь, колбасы купи, хлеба, еще что-то... сам сообрази. Давай, иди. Камкин, куда пошел?!

— Да я воды хлебнуть...

Он заскочил в кухню, попил из-под крана. Странно, в раковине стояли два бокала.

— Камкин, ты нас голодом заморишь!

Он сходил в магазин, выкурил за углом сигарету от возбуждения. Супруга была в редком для нее хорошем настроении, а значит, можно надеяться на супружеское ложе.

У подъезда его окликнула соседка.

— Камкин, поди-ка сюда.

— Что, тетя Надь?

— Присядь-ка рядом, скажу что.

— Да некогда, тетя Надь.

— Присядь. Слушай-ка, только не обижайся, ты парень-то хороший, потому и говорю. К твоей-то всю неделю мужик ходит. Представительный такой, на машине приезжает.

Камкин рассмеялся.

— Знаю я того мужика, он и сейчас в квартире. Это начальник Веркин, они отчет готовят, комиссия у них. Так что все в порядке, тетя Надь, спасибо.

— Смотри, Камкин, я предупредила. Так смеяться будешь, жену-то потерять можно.

Евгения Петровича в квартире уже не было.

— Верусик, я еду принес. А где же твой начальник?

— Перебил ты нам работу, Камкин. Придется завтра доделывать.

— Ну и ладно, ну и хорошо, — Камкин попытался обнять супругу, — давай отдохнем сегодня, я тебе такое расскажу!

— Отстань, Камкин! У тебя об одном только мысли. Ты знаешь, что такое, когда сальдо не идет?

— Ну, Верусик!

— Отстань, я сказала! Голова болит.

Не откладывая, утром Камкин поехал в областной центр. Где еще, как не на кафедре ботаники областного университета могли заинтересоваться светящимся деревом? В университете были каникулы. Пустые коридоры звучали гулким эхом. Камкин

робел. Отыскал нужную дверь на третьем этаже, постучал, вошел. За столом перебирал бумаги седенький старичок в очках, явно профессор. Камкин поздоровался.

— Вы деревья изучаете?

— Не только деревья, молодой человек. А вас, собственно, что интересует?

— Понимаете, я открыл необычное природное явление...

Две молоденьких лаборантки прыснули тихонько. Камкин покраснел.

— Говорите, говорите, я вас слушаю.

— Я нашел дерево, которое светится. Тополь. Понимаете, это чудо!

Лаборантки выскочили за дверь.

— Молодой человек, вы, когда заходили в это учреждение, вывеску читали?

Камкин кивнул.

— Это университет. Здесь обучают студентов и занимаются наукой. Наукой, понимаете, а не чудесами. Так что, извините, вы обратились не по адресу.

— Так куда же мне?

— Не знаю, не знаю. Ничем не могу помочь.

Камкин шатался по городу, не зная, что предпринять. Он совершенно не ожидал такого поворота. На глаза попался краеведческий музей. Камкин купил билет, долго ходил по залам, осторожно читая вывески на дверях кабинетов. Войти не решился. Пожилая женщина, смотрительница зала, спросила:

— Молодой человек, я вижу, вы что-то ищете. Вам подсказать?

Лицо смотрительницы было добрым, и Камкин решился, рассказал свою проблему.

— Боюсь, я вас разочарую. С этим вас никто слушать не станет. Не тратьте время и не питайте иллюзий — чудеса у нас не в почете. Любуйтесь своим чудом сами.

— Но я же хотел для людей...

— Покажите друзьям, знакомым. Может быть, когда это чудо станет широко известно, им заинтересуются. Но и то вряд ли — наука консервативна. Не переживайте, я вижу, вы человек нормальный, просто время сейчас другое.

Домой Камкин не пошел. Купил бутылку и двинул в гаражи. Компания приняла его радостно, тем более что «не пустой» пришел. Камкин разошелся, сгоряча выпил лишнего, не удержался и рассказал о своей тайне.

— Ну, Камкин, ты фантазер!

— Да честно я вам говорю, стоит и светится на весь лес!

Народ хохотал от души.

— Камкин, а ты, наверно, голый спал, вот ствол и светился.

— Да ствол-то как раз не светится! Да пошли вы... — до него дошел смысл шутки. Ему вдруг смертельно захотелось спать, он уронил голову на стол и выключился. Засыпая, сквозь пелену сознания слышал:

— Кончайте, ребята, мужику не до шуток — баба его скурвилась. Поддержать его некому, так и спиться может.

Домой Камкин не шел, жил в гараже. Слова, слышанные по пьянке, не давали покоя. Вспомнились и бокалы, и незастегнутая рубашка начальника, и Веркино раскрасневшееся лицо. Вспомнились и слова тети Нади. Он боялся теперь встретиться взглядом с супругой, тем более спросить ее об этом. Целыми днями он лежал в кабине или ремонтировал что-нибудь. Вечером шел к сторожам, в компанию, ему наливали, он молча выпивал и шел гулять по ночным улицам. Просто так.

Однажды заснул на лавочке в каком-то дворе.

— Эй! Валера, ты, что ли? Вставай!

Голос показался знакомым.

— Вставай, Валерка, жизнь продолжается! — расталкивала его Жанна. — Чего это ты? Ну, пойдем, пойдем. Тяжелый ты какой.

Проснулся он у Жанны на диване. Одетый. Туфли стояли в прихожей.

— Очухался? Доброе утречко, Валера! Вставай, умывайся, будем начинать новую жизнь.

— Почему новую?

— Потому что старая была вчера, а сегодня новая.

Объяснением Камкин удовлетворился, умылся, позавтракал. Жанна налила полстопки водки. Стало легче.

— Теперь рассказывай, — сказала Жанна.

— Что рассказывать?

— Что стряслось?

— Да все нормально, Жанна. Перебрал с ребятами.

— Ладно мне заливать, что, я тебя не знаю?

Камкин удивился, откуда она может его знать, потом согласился, махнул рукой и все рассказал.

— Ну, ты молодец, все правильно сделал! Хорошо, что я тебя нашла. Со мной не пропадешь, Валерик. Ты меня в свое время выручил, я в долгу не останусь. Ты еще Жанну не знаешь!

Она набрала номер.

— Эдик, привет! Слушай, тебе чудо надо? Настоящее, хорошее. Не пожалеешь. Ну, тогда подсакивай ко мне. Прямо сейчас. «Презент» по пути не забудь. Ну, я ж тебя знаю, Эдик!

— Кто такой этот Эдик? — спросил Камкин.

— Эдуард Владиславович Вершинский. Самый крутой специалист по чудесам. Сейчас приедет, сам увидишь, человек грамотный, энтузиаст, как и ты. В общем, вы с ним общий язык найдете.

Вершинский прибыл через полчаса с коньяком, тортом и букетом цветов.

— Ну, зачем, Эдик? — Жанна была растрогана.

Крупный седеющий мужчина приобнял хозяйку, поцеловал в щеку.

— Я же тебя люблю, Жанночка. По-братски.

С Камкиным поздоровался по-деловому.

— Сразу хочу предупредить: мы с техническими изобретениями не работаем, вечные двигатели не рассматриваем.

— Эдик, ну стала бы я тебе звонить, — притворно обиделась Жанна.

— Второе. В случае серьезности вашего открытия, мы гарантируем бесплатную и всестороннюю научную помощь в изучении оного.

— Да я и не знаю, как это изучать.

— Это детали. Вы можете поручить это нашей организации. Но мы приступим к работе только с вашего письменного разрешения. И третье. Мы регистрируем ваши права на это открытие, если, конечно, оно будет таковым признано. Это вступление. Остальное по ходу беседы. Под коньячок, да, Жанночка?

По-видимому, Вершинский принадлежал некоему высшему обществу, поскольку коньяк не пил, а смаковал малюсенькими глоточками, гоня капли напитка по языку и, видимо, получая наслаждение. Закусывал он тонкими ломтиками лимона, предварительно обваленными в смеси сухого молотого кофе с сахаром, и тоже получал наслаждение. Камкин попробовал — кисло и горько. Не понравилось. Но манеры Эдуарда Владиславовича вызывали уважение.

— Какая прелесть! С трудом достал нормальный коньяк. Надо же, двумя ногами в капитализме, а приличную выпивку приходится по-прежнему добывать через знакомых, — рассуждал Вершинский. — Итак, коллега, приступим. Прошу прощения, я еще не представился. Я руковожу региональным отделением

Международной академии паранормальных явлений. Руководжу уже, дай бог памяти, да, уже тринадцатый год, представляешь, Жанночка!

— Я тебе говорила, Валера! Эдуард — серьезный человек.

— И, пожалуй, пришло время выслушать автора открытия, — сказал Вершинский и отвалился на спинку стула. — Я весь внимание.

— Ну, что, стоит дерево, тополь, ночью светится. Свет холодный. Я листок сорвал, он светился, а на следующий день уже не светился. Да я рассказывать не умею...

— Стоп, стоп, дорогой мой, так дело не пойдет. Это не рассказ. Так пересказывают чужое повествование. Я вам не верю. Где эмоции, где переживания? Давайте еще выпьем, и расскажите с самого начала, не пропуская ни одной детали.

Камкин рассказал подробно.

— Вот, уже похоже на правду. Скажите, вы не почувствовали каких-то ощущений в теле, может головную боль или другие изменения самочувствия?

— Нет, ничего.

— Странно. Вообще, должен вам заметить, что вы здорово рисковали, приближаясь к объекту. Бывали случаи и со смертельным исходом.

— От светящегося дерева?

— Нет, от других явлений. Такого, как описали вы, еще не встречалось в мировой практике. Так что, если подтвердится, — это открытие! Но воздействие обязательно должно быть. Будем искать глубже, или шире. Скажите-ка, а не наблюдались ли изменения в вашей повседневной жизни? Может быть, какие-то эмоциональные всплески?

— Да вроде все как обычно.

— Стоять, Валерик, — вмешалась Жанна. — А чего ты тогда на лавочке спал? Ты уж все выкладывай.

— Да мне, это... супруга изменила.

— Когда?

— Вот в эти дни, когда к дереву ходил.

— А раньше такое случалось?

— Нет. Я не замечал, все вроде нормально было.

— Ну вот! Что и требовалось доказать! — торжествовал Вершинский. — На лицо воздействие энергетического объекта. Это, дорогой мой, прямое подтверждение правдивости вашего рассказа, то есть наличия открытого вами объекта в действительности.

— А вы мне не верили?

— Дорогой Валерий Никитович, вы не представляете, сколько сумасшедших я повидал за годы работы! А скольким людям только кажется, что они нечто наблюдали, а сколько выдумщиков, желающих таким образом прославиться! Я же обязан отделать, так сказать, семя правды, проверить самым тщательным образом, чтобы не засорять базу данных истинных явлений псевдооткрытиями. Предлагаю тост за вас и за новый, пока еще не исследованный объект, у которого, я уверен, большое будущее! Ну, что же, Валерий Никитович, я готов к сотрудничеству с вами. Предлагаю вам вступить в Общество любителей паранормальных явлений. Зайдете к нам на днях, секретарь выпишет членский билет.

— Это же взносы платить надо. А что делать в этом обществе? — Камкин совершенно не был готов куда-либо вступать.

— В связи с важностью вашего открытия от вступительного взноса мы вас, безусловно, освободим. Более того, вы получаете премию за то, что совершили, прямо сейчас. Я имею право, — Вершинский достал тысячу рублей. — Извините за скромность, бюджет не позволяет. Но в будущем возможны другие суммы. А что

делать? Искать, наблюдать, изучать удивительные явления. В свободное от работы время. Кстати, когда у вас таковое предвидится?

— Я в отпуске.

— Это судьба. Тогда предлагаю немедленно организовать экспедицию к объекту.

— Что для этого нужно?

— Ничего, кроме того, что вы уже однажды сделали. Поедем вдвоем. На вашем транспорте. Все издержки за счет Общества, включая питание, бензин, гостиницу. Плюс командировочные. Я готов выехать хоть завтра.

— Там идти далеко.

— Ходить я умею, сколько уж прошел в поисках неизведанного. Да, Жанночка? Ты же знаешь! А ко времени нашего возвращения выйдет очередной номер нашей газеты с вашим рассказом. Вы читаете «Теомагию»?

— Нет, честно говоря... — признался Камкин. Он и не знал о существовании такой газеты.

— Теперь будете читать. Все будут! Сенсационное открытие машиниста Камкина Валерия Никитовича! Светящееся древо судьбы! Вот увидите, о вас заговорит весь город.

— Мне как-то ни к чему... не люблю я.

— Валера, как ты не поймешь! — возмутилась Жанна. — Супруга твоя неверная локти кусать будет! На коленях приползет. Она думала, ты лычком шит, а ты вон какой! Я тебе точно говорю, на женщин это действует, уж я-то знаю.

Об этом Камкин не подумал, и теперь готов был на все.

К дереву они сходили.

Вопреки ожиданиям Камкина, Вершинский шел неплохо. Правда, Камкину пришлось нести весь походный скарб и питание, так как Вершинский нес «высокоточную научно-исследовательскую аппаратуру», состоящую из некоего приборчика, похожего на вольтметр, мотков провода, «магнитоиндикатора», очень похожего на обыкновенный компас, и двух фотоаппаратов: цифрового и старого пленочного «Зенита».

На поляне у дерева пробыли сутки. Вершинский занимался наблюдениями и измерениями. Камкин с удовольствием взял на себя заботы по обеспечению. Он ловил рыбу и варил уху. У костра Вершинский пускался в пространные объяснения необычайных явлений, пересказывая всевозможные гипотезы и предположения. Камкина больше интересовало объяснение свечения «его» дерева.

— Здесь налицо проявление в нашем мире пространственно-энергетических полей космического разума.

— Вы считаете, что это свечение от разума?

— Несомненно. Мы живем в своем мире и думаем, что пространство ограничивается тем, что мы видим. Но давно известно, что существует параллельный мир, и он разумен. И изменение в вашей судьбе — прямое следствие вашего контакта с параллельным миром.

— А как же наука, космос?

— Человечество еще в пленках детства. Оно лишь подпрыгнуло в своей колыбели, а думает, что достигло космических высот. Космос! Вы знаете, на какой высоте летают космические корабли? Триста километров. Мы с вами пешком пройдем такое расстояние за неделю. А космос измеряется миллионами световых лет. Световых! Ортодоксальная наука идет не тем путем, она близорука. Лишь незначительное число действительно мыслящих ученых понимает это и пытается изучать космический разум. Теперь и вы к этому приобщились.

На обратном пути ночевали у Лены. Камкин перед отъездом успел зайти к двоюродной сестре, у которой дочка перешла во второй класс, выпросил у нее

прошлогодние учебники для первого класса. Лена была благодарна. Пашка полистал букварь, арифметику, сказал «отстой», природоведением увлекся, долго рассматривал картинки, потом улетел с учебником к Кольке.

За столом Вершинский разглагольствовал о параллелизме и многообразии в космосе.

— Заметьте, это касается и нашей жизни. Одни живут в больших городах и не подозревают, что другие живут вот в таком захолустье. Более того, они не подозревают, что живут за счет тех, кто живет в деревнях. Это параллельные миры, но они зависят один от другого. Леночка, я надеюсь, что нам с Валерием Никитовичем удастся приблизить вашу жизнь к городским нормативам. Думаю, вы этого заслуживаете. Да, кстати, мы вам должны за постой.

Лена брать деньги отказалась.

— Вероятно, вы меня неверно поняли, — настаивал Вершинский. — Вы можете не брать с гостей, но мы с Валерием Никитовичем находимся в служебной командировке, и у нас предусмотрены расходы на оплату гостиницы. Так что извольте получить. Да тут и сумма-то смешная, но в ваших условиях не следует отказываться.

Лена спрятала руки за спину, опустила глаза. Она не хотела. Камкин взял деньги у Вершинского.

— Возьмите, Лена, я прошу.

Лена подняла домиками брови, посмотрела на Камкина, взяла деньги и быстро вышла.

Вершинский все-таки устал, лег рано. Камкин залил бензин, проверил аккумулятор и сел перекурить. Лена присела рядом.

— Как вы так ходите? Неслышно совсем, — спросил Камкин.

— Не знаю, само получается. Валера, давай на «ты», а то непривычно как-то. У нас в селе все по-простому.

— Хорошо. Я тоже не люблю, когда величают.

— Не нравится мне этот Вершинский, — сказала Лена.

— Почему? Он такой ученый.

— Что-то в нем ненастоящее, показное. Не верю я ему.

— Лена, он один откликнулся на чудо. Никто и слушать не хотел. Он от академии. Наверно, просто характер особенный. Все мы хороши.

— Спасибо тебе, Валера, за учебники. И за консервы.

— Было бы чего... Следующий раз еще что-нибудь привезу.

— А ты приедешь?

— Конечно, приеду. Не знаю только когда.

Камкин пришел домой. Верка еще не вернулась с работы. Он по-хозяйски залез в холодильник, нашел кастрюлю борща, с удовольствием съел с добавкой. Покурил на балконе и сел смотреть телевизор. На кухонном столе он будто невзначай оставил членский билет «Общества любителей паранормальных явлений» и газету со статьей о святащемся дереве. В газете, правда, написано было не совсем так, вернее, совсем не так, как было на самом деле. Зато были две фотографии с Камкиным: на фоне дерева и с удочкой на перекате. Пусть Верка знает!

Щелкнул дверной замок. Верка сразу его заметила, но слова не проронила, пошла в кухню. Камкин сидел спиной, делал вид, что не слышит. Верка подошла из-за спины, бросила ему на колени газету.

— Ты в правильное общество вступил, Камкин, давно пора. Ты точно паранормальный, туда тебе и дорога. В то время как люди деньги зарабатывают, ты дурью маешься. Хотел меня удивить своей фоткой в отстойной газетке? Прославился? Вот

если бы ты на «Мерсе» к подъезду подкатил, тогда бы прославился. Ты, наверно, думал, что я на колени упаду, прощения просить буду? И не жди. Я и так на тебя полжизни потратила, остальное не собираюсь.

— А как же я? — только и смог сказать Камкин.

— А как пожелаешь. Хочешь, на развод подавай, хочешь, живи на своем диване. Готовить, так и быть, буду, если деньги приносить будешь. На остальное не рассчитывай и в мою жизнь не вмешивайся.

Отпуск кончился. Камкин снова водил электричку с Санькой Гусевым по вдруг осточертевшему маршруту. Наступила осень. Осинки с березками на давно не чищенной полосе отчуждения дороги грустно пожелтели. Санька рассказывал, как ездил на своем мотоцикле на слет байкеров, какие там были мотоциклы и о каком он теперь мечтает. Камкин кивал, поддакивал, но на самом деле его это не волновало.

Его теперь вообще ничто не волновало, на душу напоззло равнодушие. Он выполнял свои обязанности, легко соглашался подменить машиниста или помощника из другой смены, его теперь чаще хвалили и даже иногда поощряли. После работы шел в гараж или оставался у слесарей в депо, где иной раз и ночевал. Каким-то образом все знали о его беде, помогали, чем могли, но никогда не говорили на эту тему.

Домой заходил изредка, когда нужно было постирать или сменить одежду или когда уж очень скучал по домашней пище. Приходил, когда Верка была на работе. В холодильнике всегда находился борщ, или котлеты, или еще что-то вкусное. Он съедал часть, тщательно мыл за собой посуду и уходил, оставляя большую часть получки на кухонном столе. К деньгам Камкин был равнодушен, но премиальные не оставлял Верке принципиально — обойдется. Откладывал понемногу на черный день — впереди была зима.

В один из декабрьских вечеров в деповской курилке резались в домино. Вошел человек, весь в инее, спросил:

— Где здесь машинисты электричек?

— Это тебе не сюда, — ответил кто-то из играющих. — А кого ищешь?

— Камкина Валерия.

Камкин поднялся.

— Ты, что ли, Камкин?

— Ну, я.

Незнакомец протянул руку.

— Привет тебе от Елены из Верхнего Волока.

Камкин вдруг онемел, все смешалось в голове.

— А как... ты там что?

— Я шефа возил по леспромхозам. Ночевали у Елены.

— А меня как нашел?

— Да нашел вот. Обещал я ей. Ну, ладно, пойду я.

Незнакомец еще раз пожал руку Камкину и вышел.

Камкин промаялся всю ночь. Ругал себя за то, что не расспросил ничего про Лену. Подумал вдруг, что ничего о ней не знает, кроме того, что она без мужа. Вероятно, тяжело ей зимой в одиночку: там же, в селе, и дрова надо, и воду носить. Надо же, привет передала! А он и не вспоминал о ней. И о Пашке. Не слушается, наверно.

Камкин решил съездить к Лене. Просто так. Повидаться, помочь, может, что. Заодно тайгой зимней полюбоваться. Пришла мысль, что вдруг у нее есть мужчина. Но ведь он без претензий, поди не выгонит.

Зимой электропоездов было меньше, расписание сократили «в связи с незаполняемостью пассажиропотоком». На Новый год Камкину выпадали аж три выходных. Он категорически отказался подменить машиниста параллельной смены, за что тот обиделся. Получку за декабрь Верке не отнес, тем более премию. Он вообще теперь дома не появлялся. Накупил подарков, вкусностей разных и поехал.

На днях выпал глубокий снег. Камкин приготовил цепи на колеса, но против ожидания после Горелого дорога была накатана. Доехал быстрее, чем летом.

Ленин дом стоял нарядный, украшенный шапкой сверкающего снега на фоне почти черных елей. Над трубой идилически вился голубой дымок. От калитки к крыльцу была пробита узкая траншея. Камкин посигналил, взвалил рюкзак, улыбаясь предстоящей встрече, направился к дому. Лена отворила дверь перед самым его носом, тихим голосом сказала:

— Проходите, Валера.

— Здравствуй, Лена! Мы же вроде на «ты» перешли.

— Здравствуй.

— Случилось что? — удивился неразговорчивости хозяйки Камкин.

— Нет, ничего. Пашка немного приболел. Ангина. А ты на стройку приехал?

— На какую стройку?

— На вашу. Будто не знаешь. «Крестьянское хозяйство “Чудо”». Вы же с Вершинским половину тайги разворошили.

— Лен, какое «чудо», какое хозяйство?

— Так ты действительно не знаешь? Это правда? — Лена улыбнулась, крутанулась на одном носочке — аж подол веером. — А я подумала...

— Что?

— Ничего. Раздевайся, грейся, сейчас я чайник поставлю.

Камкин открыл рюкзак, стал вынимать подарки.

— Лена, ничего, если я с вами Новый год встречу?

Лена остановилась посреди комнаты с чайником, изучающе посмотрела на Камкина.

— Это почему? А как же твоя... супруга?

— Я от нее... вернее, она... в общем, не живем мы.

— Из-за чего?

— Ну зачем тебе?

— Я должна знать.

— Связалась она с одним, с начальником своим.

— Если она виновата, тогда оставайся.

— Почему ты так, Лена?

— Потому. Не хочу быть причиной.

— Лена, я просто приехал в гости. К тебе, к Пашке, гостинцы вот привез. Где он, Пашка?

— Лежит. Я ему вставать запретила. Температурит. Паша, — позвала она, — иди к нам, дядя Валера приехал.

Пашка, будто ждал, тут же появился в дверях в трусах, валенках и с компрессом на шее.

— Здравствуй, дя Валер! — прохрипел он и сунул нос в ворох вещей на столе. — А это что? А это мне?

— Тут для всех, и тебе тоже. Подарки не трогать, это на Новый год.

— Ура! А у нас елка есть, дядя Витя принес. В сарае стоит.

— Дядя Витя тоже придет на Новый год? — спросил Камкин.

— Лучше бы не пришел, — чуть слышно сказала Лена и вышла, загремела ведрами в коридоре.

Камкин вручил Пашке шоколадный батончик.

— На, жуй. Шоколад полезен для здоровья. И иди пока в постель, а то разболеешься к празднику. Давай, давай, я после к тебе зайду, еще что-нибудь принесу.

Пошел к Лене.

— Кто этот дядя Витя?

— Не твое дело, Валера.

— Я тебе о супруге рассказал.

— То супруга, а это...

— Может, мне уехать?

— Нет! — быстро сказала Лена. — Оставайся. Пожалуйста.

— Тогда скажи, кто он?

— Да ходит тут один. Иногда. Когда с женой поругается.

— Так он женат?

— Пойдем в комнату, чаю попьем, там и поговорим. Что мы тут, будто прячемся.

Камкин нарезал колбасы, сыра, сложил большой бутерброд.

— Подожди, я Пашке отнесу. Скучно ему там одному.

Через минуту вернулся.

— Спит. Чего это он разболелся у тебя?

— В снегу целыми днями. Не слушается.

— Мы тоже в детстве так, — улыбнулся Камкин. — Ну, расскажи про этого Виктора.

Лена глубоко вздохнула, умоляюще посмотрела на Камкина.

— Не хочешь, так и не надо, — ему стало жаль Лену. — Я просто хотел знать, как мне себя вести. Давай тогда посмотрим, что я привез.

— Ты не думай, Валера... Он и мой муж друзьями были, работали вместе. Потом, когда все случилось, он помогал нам с Пашкой, много помогал. Без его помощи я не знаю, как Пашку выкормила бы. А потом...

— Стал требовать компенсации? — подсказал Камкин.

— Да. Но самое плохое, он с Пашкой дружит, подарки ему всякие дарит.

— Подкупает?

— Вроде искренне. Не знаю. Поэтому и совсем отшить его не могу. Так добрый, отзывчивый, порядочный, а выпьет, со своей поругается — и ко мне с претензиями. Ославил меня на все село. Не знаю я...

— Ладно, Лена, все образуется. Давай лучше перекусим.

— Валера, какой ты молодец, кофе привез! Это для меня праздник — кофе и бутерброд с маслом и сыром. Из детства. Мама любила. Откуда ты знал?

— Про кофе? Я не знал, купил на всякий случай. А у меня из детства мамины котлеты. Супруга так и не научилась. Так что тут у вас за стройка? Я ничего не понял.

— Я-то сама только по разговорам знаю. Говорят, Вершинский твой выше водопада землю в аренду взял под крестьянское хозяйство. Дорогу туда пробил. Всю осень машины, трактора туда мотались. Строит там чего-то.

— Вершинский? Странно. Он ничего мне не говорил. Да и не виделись мы с тех пор.

— Я тебе говорила, скользкий он, — Лена замылась, будто решала, продолжать ли. — Ночевал он у меня одну ночь.

— И что?

— Выгнала.

— Почему? Он же воспитанный, вести себя умеет.

— На словах. Тут мне такого наговорил, наобещал золотые горы, а потом руки тянуть стал.

— Да ты что? Вот сволочь!

— Ты не верь ему, Валера. Мужики наши тоже на него ополчились, даже в район ездили жаловаться. Но, оказалось, все у него по закону. Теперь спалить грозятся.

— А мужики-то чего?

— Наши все с тайги живут, работы-то нет. А стройка зверя распугала, да и речку, говорят, испортили, рыбы меньше стало.

— Вон оно что, — Камкин задумался. — Пойду-ка я посмотрю.

Камкин спустился к замерзшей реке. Теперь здесь был мост из бревен в накат, какие обычно строят лесозаготовители. Дорога шла дальше в лес и была накатана. Камкин вернулся, сел в машину и поехал. Хотелось посмотреть. Тот путь, что дался пешком большим трудом, теперь он проехал меньше чем за час. Дорога вышла на хребет, обошла крутой склон у водопада и уперлась в высокие ворота с надписью «Крестьянское хозяйство “Чудо”». Частная собственность. Вход, въезд по пропускам».

Из калитки появился охранник в форме, вопросительно посмотрел на Камкина.

— Чудо хочешь посмотреть, — сказал Камкин.

— Вход платный.

— Сколько стоит?

— Пешком тысяча, с машиной пять. Ночевать будете?

— Тут и ночлег есть?

— Конечно. Койка три тысячи, отдельный домик — десять в сутки. Питание за отдельную плату по прейскуранту. Будете ночевать?

— Я бы с Вершинским хотел поговорить.

— Эдуард Владиславович отсутствует.

— Понятно, — Камкин закурил, протянул пачку охраннику. Тот не отказался. — Красиво тут у вас, — сказал Камкин. — Не холодно ночью?

— Нормально. За такие деньги и померзнуть можно.

— Народу много приезжает? Я смотрю, дорога накатана.

— Сейчас холода настали, так поменьше, а по теплу каждый день караван, иной раз селить некуда. Хозяин еще гостиницу строить будет.

— А чего они все тут делают? На чудо любуются?

— Лечатся.

— Как лечатся? От чего?

— От всего. Дерево чудодейственную силу имеет, на судьбу влияет. Хозяин говорил, мужик, который чудо нашел, крутым бизнесменом стал, во Франции теперь живет.

Камкину вдруг стало зябко.

— Поеду я, холодно...

— Валера, ну не надо расстраиваться, — уговаривала Лена. — Черт с ним, с этим деревом.

— Нет, ну почему все такие? Почему обязательно нужно обмануть?

— И не все. Хороших людей все равно больше.

— Представляешь, он всем рассказывает, что я теперь во Франции! А я в гараже...

— В гараже? Ты живешь в гараже? Она тебя выгнала?

— Не выгнала. Я сам не хочу. Нет, я этого так не оставлю, вернусь, я с ним поговорю!

- Не трать себя, Валера, плюнь ты на него, пусть его Бог накажет.
— Бог таких не наказывает. Ладно, давай елку наряжать. Зови Пашку.

С елкой провозились до одиннадцати. Камкин не догадался купить гирлянду, пришлось чинить старую, которую Лена добыла откуда-то с чердака. «Елочка зажгись» прозвучало без пятнадцати. Лена приготовила дивный стол. Пашка поминутно получал по рукам за то, что хватал лакомые куски с блюд. Камкин открыл шампанское.

— С Новым годом! Пусть он будет лучше прошедшего.

Пашка быстро наелся и стал клевать носом. Лена отвела его в постель.

Они сидели за столом лицом к лицу. Камкин подливал шампанское. Лена смотрела на мигающие огоньки на елке.

— Спасибо тебе, Валера. Я так не встречала Новый год со смерти мужа. Хорошо, тихо и спокойно.

— Я теперь на каждый Новый год приезжать буду.

— И только? — Лена расхохоталась. — А на восьмое марта?

До Камкина дошло, и он тоже рассмеялся. Стало легко и весело.

На крыльце послышался стук обиваемой обуви, дверь отворилась, вошел человек.

— С Новым годом, Ленчик! А у тебя гость? Не ожидал.

— А то ты машину не видел. Иди домой, Виктор.

— Что так, уже не нужен стал?

Лена подошла к гостю, стала вполголоса уговаривать.

— Виктор, я тебя прошу, не порть праздник, иди домой. Потом поговорим.

— Нет, я хочу знать, кто он такой?

— Не кричи, Пашку разбудишь, болеет он.

— Пашка не обидится. А ты меня обижаешь, Ленчик. Быстро ты забыла, кто тебя вырuchал все эти годы. Я хочу с ним поговорить!

Лена всхлипнула.

— Да прекрати ты, Виктор!

Камкин ужасно не любил такие разборки, но тут выхода не было. Он обулся, надел шапку.

— Ну, пойдём, поговорим.

— Я здесь хочу, глаза твои видеть.

Камкин взял Виктора за рукав, подтолкнул к двери.

— Не при женщине же мы будем разбираться.

— Кто женщина? Ленка женщина? Да любого спроси, она за кусок сала...

Камкин не слушал, он смотрел в широко раскрытые, наполненные болью глаза Лены. И ударил. Снизу вверх, с разворотом, в челюсть. Как учили в секции еще в десятом классе. После школы он ни разу не дрался, но вот не забыл, получилось. Виктор замер на секунду и рухнул плашмя вперед. Камкин успел подхватить, чтобы не разбился о пол, подставил плечо и вынес на улицу. Положил на крыльце, посыпал снегу на лицо.

— Очухался? Вставай и иди.

Против ожидания Виктор не стал возмущаться, кряхтя поднялся и молча пошел к калитке.

Лена тихонько плакала за столом. Камкину стало жаль ее, он подошел, погладил по волосам, как маленькую девочку. Она прижалась к нему.

— Все хорошо, Лена.

— Мне его жалко. Ты его не очень?

— Нормально. Сам пошел.

— А ты сильный, — улынулась Лена.

— Он сильнее, просто пьяный. Хочешь еще шампанского?

Они выпили. Камкин обнял Лену, тихонько притянул к себе. Она подалась, прижалась теплым телом, потом вдруг резко встала.

— Не надо, Валера. Пусть останется чисто...

Камкин уезжал утром. Пока прогревал «Москвич», подошел Виктор. Камкин подумал, что опять придется выяснять отношения, но вчерашний противник был дружелюбен, поздоровался за руку.

— Ты извини за вчерашнее, — сказал он, — пьяный был. Я дурной пьяный. А Ленка — она хорошая. У тебя с ней серьезно?

Камкин не ответил.

— Ей давно хороший мужик нужен. Такая баба пропадает — жалко. Ты... ты не обижай ее, ладно?

— Ладно. Ты тоже.

— Ну вот и договорились! — обрадовался Виктор, еще раз пожал руку Камкину. — Удачи тебе.

В городе, отъездив смену, Камкин отправился в «Общество любителей паранормальных явлений».

— Как бы мне Вершинского увидеть?

— Он редко бывает. Что-нибудь передать?

— Мне с ним поговорить надо. А вы адреса его не знаете?

— Это конфиденциальная информация.

— И никак нельзя?

— Никак.

— Ладненько, пойдем другим путем.

Камкин вспомнил, что Жанна знает телефон, а может быть и адрес, и сразу пошел к ней.

— Валерик! Сколько лет? Что же ты не заходишь?

— Вот, зашел. Жанна, ты не знаешь адрес Вершинского?

— Не знаю. Но зато я помню, где он живет. Бывала у него, — Жанна с намеком повела бровями. — Очень приличная квартира. И сам мужчина на высоте. Ты магазин «Буратино» знаешь? Рядом с ним дом старинный, с красивой лепниной, четырехэтажный, кажется, — Жанна взяла бумажку, нарисовала план. — А квартиру не помню. Сам понимаешь, мне не до географии было.

Дом нашелся легко. Вход был со двора. На лавочке сидел дедуля с палочкой.

— Не подскажите, в какой квартире Вершинский проживает?

— Ленька-то?

— Почему Ленька? Эдуард Владиславович.

— «Эдуард Владиславович!» — передразнил дед. — Ленька Хренов он, засранец. Ты, небось, морду пришел бить?

Камкин не нашелся, что ответить.

— Ты не первый. И морду били, и с милицией приходили, и дело заводили, ему хоть бы что.

— Вы, наверно, спутали...

— Ничего я не спутал, я его с пеленок знаю. И вот в кого такой непутевый уродился? Мать учительница, отец, генерал Хренов, — известный человек, а этот... Таковую фамилию испоганил! И сменил. Теперь же все можно, он все и сменил, отчество только оставил. И ведь никто наказать не может. Дом этот генеральский, а он квартиру себе прибрал. Отец-то умер, а мать он в дом престарелых спровадил.

Там, говорит, надлежащий уход. Ладно, заговорил я тебя, иди. Дома он. Квартира двенадцать, четвертый этаж. Бить будешь, от меня приложишь, за родителей его.

Замки открывались томительно долго.

— Ах, Валерий Никитович! Проходите, проходите, прошу вас. Разуваться не следует. Терпеть не могу эту совковую привычку! Придешь к людям, а тебе стоптанные тапочки.

— Я был в вашем «крестьянском хозяйстве».

— Ну и как, понравилось? Неплохо получилось, правда?

— Вы же людей обманываете.

— Почему обманываю? Люди хотят чуда, они мечтают о чуде! Я им показываю.

— За такие деньги!

— Вы забываете, сколько вложено в инфраструктуру.

— Все равно, это обман. Вы говорите, что чудо лечит, про меня наговорили, что мне счастье привалило.

— Люди хотят верить в исцеление. Они хотят сказку, им надоела политика, надоели сериалы. Они сами просят, чтобы им сочиняли сказки. Как говорится, спрос рождает предложение.

— А если кто-то пожалуется на обман в органы?

— Не надо. Все абсолютно законно. Стопроцентно! Я нанимал толкового юриста. Я понимаю ваше беспокойство, Валерий Никитович, и я давно хотел вам предложить хорошую должность. Переезжайте прямо к чуду. Вам же негде жить, а там у вас будет достойное жилье. И работа не пыльная. А плачу я хорошо, люди благодарны. Я просто найти вас не мог...

Камкин не дослушал, хлопнул дверью.

Раньше в таких ситуациях у Камкина возникала обида, горькая, иногда чуть не до слез. Он замыкался, переживал, и она сама постепенно рассасывалась. Теперь была злость, даже ярость. Не то чтобы его так никогда не обманывали, бывало и хуже. Но сейчас ему хотелось бить. Бить с хрустом, с наслаждением от дробящихся костей. Он взял бутылку и пошел в гараж.

— О, Камкин! Из Франции в отпуск приехал?

Кампания уже была навеселе. Камкин молча откупорил бутылку, плеснул всем в стаканы, выпил.

— В заграничах такой водки нет, да, Камкин?

— Не трогай его, видишь, достали человека.

— В таких случаях лучший способ — граната, — не мог успокоиться шутник.

Камкин почувствовал, что сейчас ударит, еще выпил и удалился.

Водка не помогала. Сон тоже не улучшал настроение. Даже на работе, глядя на набегающие шпалы, он думал о мести. Граната не выходила из головы. Раньше он не понимал, чего это человек взял да и зарезал соседа. Подумаешь, обида! А сейчас его зацепило по-настоящему.

Он терпел. Почти месяц. Но однажды, не доев тушенку в своем гараже, бросил ложку и поехал на Тещин рынок.

Был когда-то на окраине пустырь, неизвестно почему назывался Тещин. В девяностые годы там была барахолка, потом стихийный рынок. Теперь рынок был официальный, окультуренный, и название у него было официальным «Тещин рынок». Несмотря на внешний порядок, все знали, что там по-прежнему можно купить все, вплоть до наркотиков, говорили, что и оружие.

Камкин долго бродил между рядами прилавков, делал вид, что интересуется товаром, присматривался. Какие тут встречались рожи! На лбу написано: вор,

проходимец, бандит. Подойти он не решался. Когда делал третий круг по рынку, откуда-то сбоку возник шнырь с бегающими глазками.

— Я вижу, вы что-то ищете? Подсказать что-нибудь? Я тут весь товар знаю.

— Взрывчатку, — буркнул Камкин, сам от себя не ожидая.

— Ты что! Я милицию вызову! — возмутился тот. — Я сейчас охрану позову!

И побежал куда-то.

Камкин развернулся и быстро пошел к выходу. Этого ему еще не хватало. Надо же так ошибиться в человеке! Уже перед выходом с рынка так же ниоткуда сбоку пришвартовался некий субъект, взял Камкина за локоть, с улыбкой сказал:

— Дарагой, то, что тебе нужно, у меня есть.

— Ничего мне не нужно! — попытался освободиться Камкин.

— Не надо нэрвничать, дарагой, это проверка была. Пойдем товар покупать.

У Камкина обмякли ноги, и он поплелся за продавцом. Кавказец завел его в какую-то подворотню, спросил, что конкретно нужно.

— Тол. Грамм четыреста.

— Ай, что так мало берешь? Что таким весом сделать можешь?

— Мне хватит.

Камкин знал, что такое тол. В маленьком шахтерском поселке, где он проводил в детстве каждое лето, подростки без особого труда доставали толовые шашки, бегали на речку глушить рыбу. Он хоть и считался городским, но с местными дружил, и ему тоже доставалось «жахнуть».

— Деньги давай! — потребовал продавец. — Что смотришь? Тебя кто тут обмануть собирается? Товар такой — деньги вперед надо.

Камкин отсчитал нужную сумму.

— Жди здесь, никуда не ходи.

Камкин ждал долго. Уже подумал, что его в очередной раз «кинули», вдруг появился мальчишка, протянул пакет, сказал: «Это тебе» и сразу убежал.

Камкин успокоился только в гараже. В пакете были две шашки, упакованные в вошеную бумагу, будто только что со склада, и отдельно два электродетонатора. Детонаторы он забыл попросить и теперь был благодарен предусмотрительному продавцу.

Он тщательно спланировал всю операцию, купил сорок метров тонкого провода и теперь ждал, когда сойдет снег, чтобы не оставлять следов.

Поездку к Лене на восьмое марта пришлось отменить. Эпидемия гриппа свалила половину машинистов. Камкина же не брало, и ему приходилось работать то за одного, то за другого. А потом и ехать уже не следовало, чтобы не светиться лишней раз.

В апреле пришла неожиданная оттепель. Во время рейсов Камкин отмечал, что снег стаял на большей площади, и сугробы оставались только на северных склонах. Ночные заморозки все еще сковывали землю: захочешь — следов не оставишь. И он решил. Дождался по графику трех выходных и поехал.

Выехал вечером. Горелое проехал ночью. До Верхнего Волока не доехал километров десять, загнал машину в неезженный лесной отвилоч. Пошел налегке, взял лишь теплые вещи и сухой паек. Шел в режиме марш-броска, напрямик по тайге, минуя поселок и сторонясь дороги. Старался держаться южных склонов и тщательно обходил заснеженные места.

К хозяйству Вершинского подошел к вечеру. Путь дался тяжело. Нетренированное тело болело и отказывалось подчиняться. Камкин прилег на вершинке, откуда все постройки были как на ладони, отдыхая, наблюдал. Сумерки быстро накрывали тайгу. На территории возникло оживление: из домиков выходили люди, шли на лед реки. Строились полукругом перед обрывом, на котором стояло то

самое дерево, открытое Камкиным. Люди расступились, пропустили человека в белом балахоне, наподобие одежды священника. Камкин узнал в нем Вершинского. Морозный воздух отчетливо доносил все звуки. Вершинский поднял руки к небу.

— Братья и сестры! Возблагодарим Господа за то, что позволил нам лицезреть чудо, исцеляющее и исправляющее судьбы! — Вершинский взглянул на часы. — Попросим же вместе, чтобы и сегодня свершилось чудесное явление!

Люди нестройно заныли нараспев. Вершинский же, еще раз посмотрев на часы, зычным голосом вскричал:

— Явись нам, чудо!

Стемнело уже достаточно, и стало заметно слабое свечение. По-видимому, светились лишь молодые прошлогодние побеги, но все равно это было красиво и вызывало трепет. Люди упали на колени.

«Вот гад, — подумал Камкин, — он уже мессией заделался. Так еще «светящееся братство» создаст». Пока люди пели, Камкин стал обходить хозяйство лесом и залег уже недалеко от дерева.

Люди не расходились долго. Здесь, в горах, мороз был крепким, Камкин стал замерзать. Пришлось надеть еще один свитер, но это не спасало. Он любовался деревом, и закрадывались предательские мысли, что он не имеет права убивать эту неземную красоту. Но потом он смотрел на людей, стоящих на коленях на льду, на Вершинского, который пасторским тоном наставлял кого-то из «прихожан», и злость снова покрывала все добрые мысли.

Наступила ночь. По распадку потянул ледяной ветерок. На льду осталась лишь одна женщина. Она крестилась и била поклоны. Камкин ждал. А она стояла на коленях и крестилась. «Ноги простудишь, дура», — чуть не закричал Камкин. А она все стояла.

Наконец женщина поднялась, отвесила еще несколько поклонов и удалилась к домикам. Больше ждать Камкин был не намерен. Он приблизился к тополи, быстро примотал к стволу обе пашки. Скотч жутко трещал при разматывании. Но Камкина уже ничто не могло остановить. Он вставил детонаторы. На секунду остановился, прикоснулся к холодной коре.

— Прости...

Размотал провод на всю длину, достал аккумулятор, присел за валежину.

Сухой двоянный хлопок взрыва ударил по ушам. Заверещала невыносимо звонко сигнализация на автомобильной стоянке. Дерево вздрогнуло и с треском повалилось в сторону реки.

Камкин не ждал ни минуты. Рюкзак за спину и бегом марш! Бежать в лесу ночью — рискованное дело. Но было не совсем темно — видимо, за облаками светила луна, и он если и падал, то не слишком больно.

Обратный путь Камкин не заметил — подгонял страх. Особенно тревожно было проезжать посты ГАИ. В гараже он включил электрогрелку в своей каморке, забрался в спальный мешок и выключился. Тут было безопасно. Спал долго и чуть не проспал на работу.

В первые дни Камкин невольно напрягался при виде милиционера или когда вызывали к начальству. По утрам покупал газеты, читал криминальную хронику, слушал в гараже радио. Происшествий было много, но его случай не упоминали.

Постепенно он успокоился. Все чаще стал вспоминать Лену. И Пашку. После работы заходил в магазины, прикидывал, что бы им купить.

Отъездив майские праздники, выпросил у Грядина свои законные десять отгулов и поехал.

Камкину трижды пришлось стучать, прежде чем Лена открыла.

— Ой, Валера! А у нас баня...

Она была в легком халатике на голое тело, волосы замотаны полотенцем.

— Ну, заходи же, выстудишь!

Камкин вошел в духоту комнаты. На печке парило ведро с водой. На полу в жестяной ванне сидел Пашка.

— Здравствуй, дядя Валера, — сказал он, зажмурив один глаз от мыла. — Ты чего так долго не приезжал?

— Дела не пускали. Лена, я не вовремя, пойду, покурю.

— Перестань, Валера, все вовремя. Помогли лучше, смой Пашку. А я сейчас.

Камкин не знал, как смывать детей, но Пашка выручил.

— Это просто, дя Валер, вон тот ковш возьми, воды с печки набери, холодной разбавь и лей мне на голову. Не свари только. А теперь вон там полотенце. Пока мамка прихорашиваться будет, мы уже все закончим. Ванну к печке отодвинь, только не выливай, она еще стирать в ней будет. Воду, знаешь, как тяжело таскать!

Пашка натянул трусы, поставил на печку чайник.

— Ща чай пить будем, после бани чай положено. Ты еду привез? Давай стол накроем, мамка обрадуется. Она тебя знаешь как ждала.

Камкин опешил.

— Она тебе говорила? — шепотом спросил он.

— Не, но я-то вижу. О, колбаса! На ножик, режь, я ща тарелку принесу. Ма, к тебе можно? Тарелка нужна.

Лена вышла, нарядная, будто светящаяся. Камкин замер с ножом над колбасой. «Как же я раньше не замечал, что она такая красивая!»

— Вот это мужчины, уже и стол накрыли! — сказала Лена. — Давай, Валера, я дорежу. Паша, сходи в кладовку за огурцами.

— А у меня вот что есть, — Камкин поставил на стол бутылку вина. — Белое. Ты любишь?

Солнце клонилось к сопкам. Было тепло и тихо. Первые комары звенели над ухом. Камкин курил на пеньке у крыльца. Лена присела напротив.

— Валера, а там красиво?

— Где?

— Там, где чудо.

— Красиво! Очень. А хочешь — поехали, сама посмотришь.

— Давай в другой раз. Пашка увяжется, а он недавно болел, боюсь, опять простынет.

— А я с ним договорюсь. Пашка! Иди к нам.

— Че, дя Валер?

— Слушай, мы с мамой ненадолго в лес съездим, хорошо? Без тебя. Не обидишься? А потом мы с тобой на рыбалку вдвоем ходим. Лады?

— Да езжайте, я что, не понимаю? А я с Колькой погуляю, ага?

— Ну вот и договорились.

— Я сто лет на машине не каталась, — сказала Лена, усаживаясь в кабину.

— А моя бывшая отказывалась в «Москвич» садиться.

— Это почему же?

— Модель не та. Ей «Мерседес» подавай.

— Ну и зря она. А мне нравится твоя машина.

Камкин улыбнулся, но ничего не сказал.

Сразу за мостом на стволе дерева висел плакат, пробитый дробью: «Приют рыбака «Вдали от жен». Сауна, МАССАЖ!!!».

— А это еще что? Тут еще и бардак открыли? — нахмурился Камкин.

— Нет, это Вершинский изменил профиль бизнеса, после того как чудо-дерева не стало.

— Вот как! Вот сволочь неистребимая! Знаешь, Лен, давай не поедем, не хочу я туда.

— Так нет уже заимки Вершинского, сгорела.

— Да ты что! Кто же помог?

— Кто же признается? Поговаривают, что кто-то из наших.

— Ай, молодцы! Узнаю, кто спалил — бутылку коньяка поставлю! — Камкин надавил на газ. — Хочу лично посмотреть на руины. А ты знаешь, кто дерево взорвал?

Лена отрицательно покачала головой.

— О таком-то точно никто не расскажет.

— Я взорвал.

Весь спектр эмоций отразился на лице Лены, но она не ответила. Камкин нахмурился.

— Ты считаешь, я плохо поступил?

— Дерево жалко.

— Мне тоже жалко. Я для людей хотел, а этот, сволочь...

— Это же чудо, — еле слышно сказала Лена. — Поехали, что ты остановился? Теперь не поправишь...

Дальше ехали молча. Камкин притормозил у распахнутых ворот, въехал на территорию, озираясь. От всех построек и уцелели лишь ворота. Обгорелые груды бревен, обломки шифера, остатки мебели и обожженные ветви деревьев. Остановились у самой реки.

— Мрачно тут, — сказала Лена.

— Ничего, зарастет. Зато тихо! Слышишь, птички поют — прилетели уже.

— А где чудо было?

— Вон, лежит на склоне.

Лена тихонько побрела по берегу. Камкин не стал ей мешать, принес обгорелых досок, развел костер. Подумал, повесил котелок для чая, устроил из бревна сиденье и уселся у огня с сигаретой. Лена подошла, села рядом.

— Красиво как, Валера! — сказала шепотом.

— Красиво, — согласился Камкин. — Раньше еще красивей было. Зачем я, дурак, этому... рассказал! Надо было никому не говорить, был бы у нас с тобой секрет. А хочешь водопад посмотреть? Пойдем. Здесь недалеко.

Они спустились к водопаду, остановились на скале над кипящей водой. Лена вцепилась в ладонь Камкина, со страхом и восторгом смотрела вниз.

— Здорово как, Валера! Красотища!

Она вдруг потянулась и поцеловала Камкина в небритую щеку, резко развернулась и полезла еще выше на скалу над самым обрывом. Камкин сначала растерялся от неожиданности, потом испугался за Лену, что может сорваться. Нагнал на уступе, поймал за край куртки, притянул к себе. Лена закрыла глаза и подалась навстречу. Так долго Камкин никогда не целовался.

К костру они возвращались за руку.

— А хочешь, я тебя научу рыбу ловить?

Камкин мигом снарядил удочку.

— Вот, смотри, вот так закидываешь. На, пробуй.

Лена размахнулась, чуть не упала в воду, а леска, взвившись, замоталась за ветку.

— Ой! Я тебе удочку испортила...

— Новую привяжем.

Камкин оснастил удочку и сам поймал двух приличных хариусов. Лена стояла рядом и с восторгом принимала добычу.

— Хватит, — сказал Камкин, — давай теперь жарить. На костре знаешь как вкусно!

Он нанизал рыб на прутья, воткнул у тлеющих углей. Вскоре тушки стали шипеть.

— Как пахнет, Валера! Можно я перышко отломлю?

— Подожди, сейчас готова будет.

Он сбегал за походным ковриком и теплой курткой, постелил у костра.

— Будем есть как туземцы. Садись по-татарски. Умеешь?

Лена с удовольствием приняла игру, уселась, скрестив ноги. Камкин сел в такую же позу, двумя руками, с поклоном, подал Лене шампур с рыбой. Она с поклоном же приняла, с шутливым рыком вонзила зубы в добычу. Ели с удовольствием. Оказывается, успели проголодаться.

— Ты волшебник, Валера! Такую вкуснятину я еще не пробовала.

— Соли маловато. Погоди, вот летом я тебя другим блюдом накормлю — хариус в листьях лопуха под золой. Вот это вкуснятина!

— Ой, Валера, погоди-ка, у тебя жир на подбородке, — Лена потянулась и слизнула. Камкин отбросил недоеденного хариуса, сгреб Лену в охапку. Она обняла его за шею, и они повалились на подстилку.

Стемнело, а они все никак не могли насытиться друг другом. Наконец Лена встала, прикрыла задремавшего Камкина курткой, пошла к речке.

— Валера! Скорее сюда!

Он вскочил. Босиком побежал на берег. Сердце тревожно заколотилось.

— Что? Медведь?

— Смотри! — Лена показывала на противоположный берег.

Там, где стоял пенек от взорванного Камкиным дерева, виднелось слабое свечение.

— Пошли, — Камкин взял Лену за руку и потянул в ледяную воду.

Они переправились, поднялись к ощерившемуся щепками пню. Из-под коры сбоку тянулся росток, всего-то сантиметров тридцать, с молодыми листиками. И сам побег, и листики — светились!

Они молчали, переполненные эмоциями.

— Чудо-то какое! — прошептала Лена.

— Ты — мое чудо, — сказал Камкин и обнял Лену.

— Осторожно, двери закрываются. Следующая станция Матросики, — сказал в микрофон Санька. — Что-то ты, Никитич, сегодня не такой какой-то?

— Хорошо-то как, Саня!

— Что ж хорошего? Дождь хлещет, видимости нет, холодно.

— Жить хорошо! — улыбнулся Камкин.

— Ну, не знаю... — не нашелся чем возразить Санька. — У меня вот мотоцикл барахлит что-то.

Поезд летел навстречу ливню, вода заливала лобовые стекла.

— Сигнал, — доложил Санька дорожный знак.

— Вижу сигнал, — продублировал Камкин и дал длинный гудок.

— Гляди, Никитич, что это? Да вон, между рельсами шевелится! Собака, что ли?

Камкин взгляделся сквозь дождь. Действительно, что-то двигалось на шпалах. Он засигналил протяжно несколько раз, включил торможение, высунулся в боковое окно. Щенок карабкался на рельс и не мог одолеть преграду. Камкин нажал

экстренное. Колесные пары завизжали, инерция толкнула тело вперед, оконная рама больно вдавилась в шею. Камкин не обращал на это внимания. Он смотрел на щенка, который перестал делать попытки перелезть рельс, сел на куцый хвостик и усталился на приближающегося стального монстра. Тормозного пути не хватило. Щенок исчез под составом.

— Не успели, Никитич! — крикнул Санька.

Камкин выскочил, не дождавшись полной остановки, побежал, заглядывая под вагоны. Под четвертым в той же детской растерянной позе сидел мокрый кутенок. Камкин вытащил его за шиворот.

— Цел? Ну, ты молодец! Ну, ты герой! Ну, пойдём, — он сунул дрожащее тельце за пазуху.

— Нашел, Никитич? Живой?

— Живой, — улыбнулся Камкин, взял микрофон. — Диспетчер, машинисту шестьсот двадцать седьмого.

— Слушаю.

— Экстренное торможение на седьмом пикете сто тридцатого километра. Лошадь на путях.

— Кто? Откуда там лошадь?

— Ну что, я сам их тут пасу, что ли? Вон она на бугре стреноженная траву жуёт.

— Ладно, проверяйтесь. График не сорвите.

— Уже проверяем.

— Давай, Санек, по-быстрому.

— Ну, ты, Никитич, выдумал — лошадь! Я за всю жизнь ни одной лошади не видел.

— А для разнообразия. Ты же подтвердишь?

— Конечно! Я же первый заметил, — засмеялся Санька и соскочил с подножки под ливень. — Я мигом!

— Поехали, Никитич, все в порядке, — сказал мокрый до нитки Санька, поднимаясь в кабину. — Покажи, кого спасли.

— Во! — вытащил Камкин щенка. — Герой! Так и звать буду Героем. Я его в деревню увезу, моя собака будет.

— В какую деревню, Никитич? Что-то я не понял.

— В свою деревню, Саня. Увольняюсь я.

— Как увольняешься? Ты с ума сошел, Никитич? А как же я?

— Женюсь я, Санька! Влюбился я, понимаешь? По-настоящему влюбился! Первый раз в жизни. Сам не думал, что такое бывает. Вот так-то. А на тебя рекомендацию напишу, что готов быть машинистом. Экзамен сдашь, сам поезда водить будешь. Ты парень толковый, у тебя все получится, Санька!

Камкин замолчал, глядя в дождь. Потом добавил:

— Только не женись без любви.